

ЛУИЗА ПЕННИ

Самый
жестокий
месяц

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Самый жестокий месяц

«Азбука-Аттикус»

2007

Пенни Л.

Самый жестокий месяц / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2007 — (Звезды мирового детектива)

Роман «Самый жестокий месяц» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. «Самый жестокий месяц» – так сказал поэт об апреле. И чтобы поддержать свою репутацию, этот месяц подвергает старшего инспектора Армана Гамаша суровому испытанию. Вместе со своей командой Гамаш вновь приезжает в деревню Три Сосны, чтобы расследовать загадочную смерть некой Мадлен Фарво. Во время спиритического сеанса, который местные жители проводили в старом заброшенном доме, пользующемся дурной славой, Мадлен внезапно умирает. Все считают, что она просто испугалась до смерти, ведь общение с миром призраков никому не проходит даром. Однако Гамаш подозревает, что дело гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Начав расследование, он неожиданно становится объектом яростных нападок в прессе, связанных с одним из его прошлых дел. Теперь ему нужно не только раскрыть предполагаемое убийство, но и обелить свое имя...

© Пенни Л., 2007

© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Глава девятая	41
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	48
Глава двенадцатая	52
Глава тринадцатая	58
Глава четырнадцатая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Луиза Пенни

Самый жестокий месяц

© Г. Крылов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается моему брату Робу и его замечательной семье – Оди,
Ким, Эдаму и Саре. С любовью*

Глава первая

Клара Морроу опустила на колени в пахучую влажную траву на деревенском лугу и тщательно спрятала пасхальное яйцо, размышляя о воскрешении мертвых, каковым она собиралась заняться сразу после ужина. Убрала с лица прядку волос, она оставила в своей спутанной гриве комочки грязи и какого-то коричневого вещества, которое, возможно, не было грязью. Жители деревни бродили повсюду с корзинками яркоокрашенных яиц в поисках наилучшего места, куда их можно спрятать. Рут Зардо сидела на скамейке посреди луга и время от времени наобум кидала яйца; впрочем, иногда она прицеливалась и попадала кому-нибудь по затылку или по пятой точке. «Для ее лет и расстроенной психики она удручающе точный снайпер», – подумала Клара.

– Ты сегодня придешь? – спросила Клара, стараясь отвлечь старую поэтессу и не дать ей прицелиться в месье Беливо.

– Ты что, шутишь? И от живых-то не знаешь куда деться. С какой стати еще мертвых воскрешать?

С этими словами Рут бросила яйцо и попала точно в затылок месье Беливо. К счастью, владелец магазина носил матерчатую кепку. И к счастью, он с большой приязнью относился к седоволосой хулиганке. Рут хорошо выбирала свои жертвы. Почти всегда это были люди, которые ей симпатизировали.

Как правило, обстрел шоколадными пасхальными яйцами никому не наносит вреда, вот только яйца были не шоколадными. Эту ошибку они совершили только раз и больше не повторяли.

Несколькими годами ранее, когда жители Трех Сосен впервые решили устроить охоту за яйцами в пасхальное воскресенье, в деревне царило большое оживление. Жители деревни встретились в бистро Оливье за стаканчиком выпивки с сыром бри и разделили между собой пакетики с шоколадными яйцами, которые надлежало спрятать на следующий день. Воздух наполнился охами и ахами с оттенком легкой зависти. Взрослые люди словно опять стали маленькими. Но настоящее удовольствие они собирались получить, увидев лица своих детей. К тому же дети все равно не смогли бы найти все яйца, в особенности те, что были спрятаны за стойкой бара Оливье.

– Они великолепны. – Габри взял крохотного, изящно вылепленного марципанового гуся и откусил ему голову.

– Габри! – Его партнер Оливье выбил остатки гуся из большой руки Габри. – Это же для детей!

– Ты просто хочешь оставить их себе. – Габри повернулся к Мирне и прошептал так, чтобы было слышно всем: – Прекрасная идея. Геи предлагают шоколадки детям. Дадим повод для разговоров нравственному большинству.

Оливье, светловолосый и застенчивый, зарделся.

Мирна улыбнулась. Она и сама была похожа на громадное рождественское яйцо: черная, круглая, облаченная в великолепный багряно-красный кафтан.

Большинство жителей крохотной деревни, собравшиеся в бистро, сгрудились у длинного бара из полированного дерева, хотя какая-то часть удобно расположилась в креслах, стоящих по всему залу. Все эти кресла продавались. Бистро Оливье было заодно антикварным магазином. Бирки висели практически на всем, включая и Габри, – тот вешал на себя бирку, когда чувствовал, что его недооценили и недохвалили.

Стояло начало апреля, и в каминах весело потрескивал огонь, отбрасывая теплый свет на широкие доски соснового пола, пожелтевшие от времени и солнечного света. Официанты сно-

вали по залу под потолочными балками, предлагая напитки и мягкий тягучий сыр бри с фермы месье Паже. Бистро находилось в самом центре старой квебекской деревни, у деревенского луга. По обе стороны бистро, соединенные с ним дверями, расположились магазины, державшие деревню в старых кирпичных объятиях. Универсальный магазин месье Беливо, пекарня Сары, потом само бистро и, наконец, «Книги Мирны, новые и старые». Три высокие перекоренные сосны стояли в дальнем конце деревенского луга с незапамятных времен; они напоминали трех мудрецов, которые обрели то, что искали. Из деревни выходили грунтовые дороги, петляющие среди лесов и гор.

Но сами Три Сосны были забытой деревней. Время бурлило и вихрилось, а иногда и наткалось на деревню, но никогда долго в ней не задерживалось и никогда не оставляло там заметных следов. Сотни лет гнездилась эта деревенька среди нагромождения канадских гор, защищенная и упрятанная. Посторонние обнаруживали ее лишь случайно. Иногда усталый путешественник с гребня холма вдруг обнаруживал зовущий кружок старых домов – этакую канадскую Шангри-Ла¹. Часть домов была построена из обветренного плитняка первыми поселенцами, расчистившими землю от деревьев с глубоко вросшими корнями и громадных камней. Другие дома были из красного кирпича, их построили лоялисты², искавшие здесь убежища. У некоторых домов были крутые крыши с металлической кровлей, привычным коньком и широкими верандами – типичные квебекские сооружения. А в дальнем конце расположилось бистро Оливье, где можно было выпить кофе с молоком, съесть свежий круассан, поболтать с друзьями, погрузиться в атмосферу доброты. Тот, кто обнаруживал Три Сосны, уже не мог их забыть. Но находили эту деревню только потерянные люди.

Мирна посмотрела на свою подругу Клару Морроу, и та высунула язык. В ответ Мирна высунула свой. Клара закатила глаза. То же самое сделала и Мирна, присев рядом с Кларой на мягкий диван перед камином.

– Ты, случайно, не накурилась садовых удобрений, пока я была в Монреале?

– На сей раз нет, – рассмеялась Клара. – У тебя что-то на носу.

Мирна ощупала лицо, нашла что-то, обследовала.

– Мм... Это шоколад или кожа. Есть только один способ узнать наверняка.

Она бросила находку в рот.

– Боже! – поморщилась Клара. – И ты еще удивляешься, что у тебя никого нет.

– Я не удивляюсь, – улыбнулась Мирна. – Я и без того полна – мне никто не нужен.

– Неужели? А как насчет Рауля?

– Ах, Рауль, – мечтательно протянула Мирна. – Он был так мил.

– Просто конфетка, – согласилась Клара.

– Вот он меня дополнял, – сказала Мирна. – А потом и кое-кто еще. – Она похлопала себя по животу, большому и объемистому, как и сама женщина.

Их разговор прервал острый как бритва голос:

– Посмотрите-ка на это!

Посреди бистро стояла Рут Зардо, держа шоколадного зайца так, словно это граната. Заяц был сделан из отличного темного шоколада, его длинные уши были настороженно подняты, а мордочка получилась такой реалистичной, что Клара подумала – вот сейчас он пошевелит своими тонкими шоколадными усиками. В лапках зайчик держал сплетенную из белого и молочного шоколада корзинку, в которой лежала дюжина роскошно раскрашенных шоколадных яиц.

¹ *Шангри-Ла* – вымышленное место, о котором рассказывается в романе английского автора Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). Эта мистическая долина, где все живут в гармонии, стала синонимом земного рая, мифической гималайской утопии.

² *Лоялисты* – жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

Все выглядело очень мило, и Клара взмолилась, чтобы Рут не швырнула в кого-нибудь это шоколадное изделие.

– Это чертов заяц, – прорычала старая поэтесса.

– Их я тоже ем, – сообщил Габри Мирне. – Я был зачат, чтобы есть зайчат.

Мирна рассмеялась и тут же пожалела об этом. Рут обратила на нее свой гневный взгляд.

– Рут... – Клара встала и осторожно приблизилась к поэтессе, держа стаканчик с виски Питера в качестве взятки. – Отпусти зайчика.

Прежде она такого никогда не произносила.

– Если это зайчик, – проговорила Рут, словно обращаясь к умственно отсталому ребенку, – так откуда у него вот это?

Она показала на яйца.

– С каких пор зайцы несут яйца? – гнула свое Рут, глядя на ошарашенных жителей деревни. – Вам это не приходило в голову? Откуда они их берут? Предположительно у шоколадных курочек. Этот зайчик, вероятно, спер яйца у шоколадной курочки, которая теперь ищет своих деток. Возмутительно!

Забавно: пока старая поэтесса говорила все это, Клара и в самом деле представила себе шоколадных курочек, которые в отчаянии ищут свои потерянные яйца. Яйца, похищенные пасхальным зайцем.

В этот момент Рут бросила шоколадного зайца на пол, и тот разбился на кусочки.

– О боже! – воскликнул Габри и бросился подбирать то, что осталось. – Я хотел отдать его Оливье.

– Правда? – спросил Оливье, забывший, что сам же и покупал этого зайца.

– Странный какой-то праздник, – зловеще произнесла Рут. – Я его никогда не любила.

– Теперь это взаимно, – сказал Габри, держа разбитого зайца, словно любимое раненое дитя.

«Какой же он отзывчивый», – уже не в первый раз подумала Клара. Габри был такой большой, такой огромный, что о его чувствительности легко было забыть. Пока не наступали такие вот мгновения, когда он нежно держал умирающего шоколадного зайца.

– Как мы празднуем Пасху? – спросила старая поэтесса, выхватив из руки Клары стакан с виски Питера и осушив его. – Мы ищем яйца и едим горячие крестовые булочки³.

– Mais⁴ мы и в Святой Томас тоже ходим, – возразил месье Беливо.

– В пекарню Сары ходит больше людей, чем когда-либо появляется в церкви, – отрезала Рут. – Они покупают выпечку, на которой изображено приспособление для пыток. Я знаю, вы думаете, что я сумасшедшая, но, возможно, я здесь единственный здравомыслящий человек.

На этой пугающей ноте она похромала к двери, но у порога повернулась:

– Не давайте этих шоколадных яиц детям. Иначе случится что-нибудь плохое.

И она, как плачущий пророк Иеремия, оказалась права: плохое и в самом деле случилось.

На следующее утро яйца исчезли. Найти удалось только обертки. Поначалу жители деревни подозревали детей постарше. Кое-кто даже думал, что это Рут саботирует праздник.

– Нет, вы только взгляните, – сказал Питер, показывая растерзанную коробку из-под шоколадного зайца. – Отметины зубов. И когтей.

– Значит, это и правда Рут, – пробормотал Габри, забрал у него коробку и стал изучать.

– Посмотрите-ка! – Клара бросилась за оберткой от пасхального яйца, которую понесло ветром по лугу. – Она тоже вся разодрана.

³ *Английские крестовые булочки* – сдобные булочки с корицей и изюмом, украшенные крестом из теста или сахарной глазури; перед едой разогреваются.

⁴ Но (*фр.*).

Пробежав все утро в погоне за обертками и восстановив порядок, большинство обитателей деревни вернулись в бистро Оливье, чтобы согреться у огня.

– Ну что? – обратилась Рут к Питеру и Кларе за ланчем. – Теперь вы понимаете, что грядет?

– Должен признать, это представляется очевидным, – рассмеялся Питер, вгрызаясь в горячий сэндвич: ветчина, копченая в кленовом соке, и рассыпчатый круассан, соединенные расплавленным камамбером.

Вокруг него встревоженно гудели родители, пытавшиеся подкупить плачущих детей.

– Наверное, все дикие животные, обитающие в радиусе ста миль, прошлой ночью побывали в деревне, – сказала Рут, медленно раскручивая ледяные кубики в своем виски. – И пожрали пасхальные яйца. Лисы, еноты, белки.

– Медведи, – добавила Мирна, подходя к столу. – Господи боже, это же ужас. Все эти изголодавшиеся медведи выбирают из своих берлог – после зимней спячки они готовы сожрать что угодно.

– Представляете, как они удивились, увидев шоколадные яйца и зайцев? – сказала Клара, перед тем как отправить в рот очередную порцию рыбной похлебки из ломтиков лосося, морских гребешков и креветок. Она взяла длинный французский батон с хрустящей корочкой и, отломив кусочек, намазала на него особое сладкое масло Оливье. – Бедные медведи, где уж им понять, что за чудо произошло, пока они пребывали в спячке.

– Не все, что происходит, – чудо, – сказала Рут, оторвав взгляд от янтарной жидкости и уставясь в сводчатое окно. – Не все, что возвращается к жизни, должно возвращаться. Такое странное время года. Сегодня дождь, завтра снег. Никакой определенности. Все непредсказуемо.

– Любой сезон непредсказуем, – заметил Питер. – Ураганы осенью, снежные бури зимой.

– Ты как раз подтверждаешь то, что я говорю, – сказала Рут. – Ты можешь назвать угрозу. Мы все знаем, чего ожидать в другие сезоны. Но не весной. Весной случаются самые сильные наводнения. Лесные пожары, убийственные морозы, снежные бури, сели. Природа пребывает в раздразе. Может произойти что угодно.

– Но весной случаются и самые прекрасные дни, – возразила Клара.

– Верно. Чудо возрождения. Насколько мне известно, на этой концепции построены целые религии. Но есть вещи, которые лучше бы не возрождались никогда. – Старая поэтесса встала и допила виски. – Еще ничего не закончилось. Медведи вернуться.

– Я бы тоже вернулась, – сказала Мирна, – если бы вдруг нашла шоколадную деревню.

Клара улыбнулась, не сводя глаз с Рут, которая – редкий случай – не излучала злости и раздражения. Вместо них Клара увидела кое-что куда более тревожное.

Страх.

Глава вторая

Рут оказалась права. Каждую Пасху медведи возвращались в поисках шоколадных яиц. Они, конечно, ничего такого не находили и по прошествии двух-трех лет сдались и вместо этого обосновались в лесах вокруг Трех Сосен. Обитатели деревни быстро усвоили правило: на Пасху не уходить далеко в лес и никогда, ни в коем случае не становиться между медвежонком и медведицей.

Все это задумано природой, говорила себе Клара. Но беспокойство все же грызло ее. Они каким-то образом сами накликали это на себя.

И вот Клара снова обнаружила, что стоит на коленях на деревенском лугу, на этот раз с великолепными деревянными яйцами, которые они теперь использовали вместо настоящих. Эта идея принадлежала Ханне и Рору Парра. Они приехали из Чешской Республики и в том, что касается всяких хитростей с крашеными яйцами, были людьми искушенными.

За зиму Рор выстругивал немалое количество деревянных яиц, а Ханна раздавала их всем, кто хотел их раскрасить. И вскоре люди из всех уголков Восточных кантонов увлеклись изготовлением деревянных яиц. Школьники использовали вырезанные из дерева яйца для своих арт-проектов, родители обнаруживали в себе скрытые таланты, бабушки и дедушки расписывали яйца сценами из своей молодости. Долгой квебекской зимой они расписывали яйца, а в Страстную пятницу начинали их прятать. Найдя деревянное яйцо, дети обменивали его на настоящее. Или по меньшей мере на шоколадное.

– Ой, посмотрите-ка, – громко проговорила Клара от пруда на деревенском лугу.

К ней подошли месье Беливо и Мадлен Фавро. Месье Беливо наклонился, его длинное худое тело сложилось чуть ли не пополам. В высокой траве обнаружилось гнездо с яйцами.

– Они настоящие, – рассмеялся месье Беливо и развел траву, чтобы показать Мадлен.

– Прекрасно, – сказала Мад, протягивая руку.

– Mais, non, – остановил он ее. – Их мать откажется от них, если вы к ним притронетесь.

Мад тут же отдернула руку и с широкой улыбкой взглянула на Клару. Клара всегда с симпатией относилась к Мадлен, хотя они едва знали друг дружку. Мад жила здесь всего несколько лет, была немного моложе Клары и полна жизненных сил. Еще она была от природы красива, носила короткие темные волосы и смотрела на мир умными карими глазами. Казалось, она всегда была довольна собой. «А почему бы и нет, – думала Клара. – После всего, что она вынесла».

– Это чьи яйца? – спросила Клара.

Мадлен сделала недоуменное лицо и подняла руки вверх, как бы сдаваясь.

Месье Беливо снова сложился пополам изящным движением:

– Не куриные. Для курицы великоваты. Наверное, утиные или гусиные.

– Вот будет здорово, – сказала Мадлен. – Веселая семейка на деревенском лугу. Когда начинается спиритический сеанс? – спросила она у Клары.

– Вы придете? – Клара была удивлена, хотя и приятно. – И Хейзел тоже будет?

– Нет, Хейзел отказалась. Завтра утром возвращается Софи, и Хейзел говорит, что должна приготовить еду и прибраться в доме, mais, franchement⁵... – Мадлен заговорщицки подавалась к ней. – Она боится призраков. А месье Беливо согласился прийти.

– Мы должны быть благодарны, что Хейзел предпочла кухарить, – сказал месье Беливо. – Она приготовила нам великолепную запеканку.

«Это очень похоже на Хейзел, – подумала Клара. – Всегда в первую очередь думает о других». Клара немного опасалась того, что люди будут пользоваться щедростью Хейзел, в особенности эта ее дочурка. Впрочем, это не ее дело.

⁵ Но, если откровенно... (фр.)

– Но у нас еще много дел до обеда, *mon ami*⁶.

Мадлен одарила месье Беливо широкой улыбкой и слегка прикоснулась к его плечу. Месье Беливо улыбнулся. Он редко улыбался после смерти жены, а вот теперь улыбнулся, что стало для Клары еще одним поводом проникнуться уважением к Мадлен. Она наблюдала за тем, как они несут корзинки с пасхальными яйцами в лучах позднеапрельского солнца, люющего недавно возродившийся нежнейший свет на недавно зародившиеся нежные отношения. В ногах высокого, худого и чуть сутулого месье Беливо словно появились пружины.

Клара встала и потянулась всем своим сорокавосемилетним телом, потом огляделась. На этом поле словно выросли задницы. Все жители деревни стояли внаклонку, пряча яйца. Клара пожалела, что не прихватила альбом для рисования.

В Трех Соснах определенно не было ничего выдающегося, ничего из ряда вон выходящего и вообще ничего такого, что имело значение для Клары, когда она окончила колледж искусств двадцать пять лет назад. Здесь не работал архитектор. Деревня как будто образовалась сама собой под сенью трех сосен, просто сама собой выросла из земли с течением времени.

Клара набрала полную грудь душистого весеннего воздуха и посмотрела на дом, в котором они с Питером жили. Кирпичный дом с деревянным крылечком и стенами из плитняка был обращен фасадом к лугу. От калитки к входной двери дома вилась тропинка между яблонями, вот-вот готовыми расцвести. Потом Клара обвела взглядом другие дома вокруг деревенского луга. Дома в Трех Соснах, как и их обитатели, были коренастыми, закаленными средой обитания. Они могли выдержать военную осаду, утрату и скорбь. И из этой среды возникало сообщество великой доброты и сострадания.

Клара любила Три Сосны. Дома, магазины, луг, многолетние сады и даже дороги, напоминающие стиральную доску. Ей нравилось то, что Монреаль находится всего в двух часах езды на север, а до американской границы на юге вообще рукой подать. Но больше всего она любила людей, которые в эту и другие Страстные пятницы прятали деревянные яйца для детей.

Пасха была поздняя – стоял конец апреля. С погодой им не всегда так везло. По меньшей мере один раз деревня проснулась в пасхальное воскресенье и обнаружила, что завалена тяжелым весенним снегом, засыпавшим нежные почки и разрисованные яйца. Нередко стоял колючий холод, и жителям приходилось забегать в гостеприимное бистро Оливье, чтобы выпить горячего сидра или горячего шоколада, обхватив дрожащими, замерзшими пальцами теплую кружку.

Но не сегодня. В этом апрельском дне было какое-то неясное великолепие. Это была идеальная Страстная пятница, солнечная и теплая. Снег сошел даже в тенистых местах, где он обычно задерживается. Начала пробиваться травка, вокруг деревьев образовался ореол нежнейшей зелени. Создавалось впечатление, что аура Трех Сосен вдруг стала видимой: сплошной золотистый свет с мерцающим зеленым обрамлением.

Сквозь землю начинали пробиваться луковицы тюльпанов, и вскоре деревенский луг обещал покрыться весенними цветами: темно-синими гиацинтами, колокольчиками, нарциссами, весело покачивающимися головкой, подснежниками и пахучими ландышами, – и тогда деревня наполнится ароматами и ощущением радости.

В эту Страстную пятницу в Трех Соснах пахло свежей землей и обещанием. А еще, может, двумя-тремя червяками.

– Что бы ты ни говорил, я все равно никуда не пойду.

Клара услышала этот взволнованный и сердитый шепот, стоя на четвереньках в высокой траве у пруда. Она не видела, кто говорит, но понимала, что человек находится, видимо, по

⁶ Мой друг (*фр.*).

другую сторону травы. Это была женщина, говорила она по-французски, но тон голоса был такой напряженный и расстроенный, что Клара не смогла его идентифицировать.

– Это всего лишь спиритический сеанс, – проговорил мужской голос. – Будет забавно.

– Да это же настоящее святотатство. Спиритический сеанс в Страстную пятницу?

Последовала пауза. Клара чувствовала себя неловко. Не из-за того, что подслушивала, просто у нее начали затекать ноги.

– Да брось ты, Одиль! Ты даже нерелигиозна. И что может случиться?

«Одиль?» – подумала Клара. Она знала только одну Одиль – Одиль Монмани. И та была...

Женщина снова громко зашептала:

Зимы морозные укусы и майский жук —
Все оставляет в жизни след,
И слышит этот скорбный звук
И тот, кто юн, и тот, кто сед.

После чего наступило потрясенное молчание.

...очень плохим поэтом, закончила свою мысль Клара.

Одиль декламировала торжественным тоном, словно эти слова отражали нечто большее, чем поэтический дар.

– Я буду за тобой приглядывать, – сказал мужчина.

Теперь Клара узнала и его. Жиль Сандон, бойфренд Одиль.

– Объясни, зачем тебе туда надо, Жиль?

– Да так, просто забавно.

– Потому что она там будет?

Наступила тишина, нарушаемая лишь стоном Клариных ног.

– Ты же знаешь, что и он там будет, – не отступала Одиль.

– Кто?

– Ты знаешь кто. Месье Беливо, – сказала Одиль. – У меня плохое предчувствие, Жиль.

Последовала еще одна пауза, потом заговорил Сандон, низким ровным голосом, словно он предпринимал громадные усилия, чтобы подавить в себе все эмоции:

– Не волнуйся. Я его не убью.

Клара начисто забыла о своих ногах. Убить месье Беливо? Да кому такое в голову могло прийти? Старый владелец магазина никого в жизни и на цент не обсчитал. Что может иметь против него Жиль Сандон?

Услышав, что они уходят, Клара выпрямилась, преодолевая боль, и посмотрела им вслед. Фигура Одиль напоминала грушу, и шла она чуть покачиваясь. Жиль был громадиной и всем своим видом напоминал медведя, а его узнаваемая рыжая борода была видна даже со спины.

Клара посмотрела на свои потные ладони, сжимавшие деревянные пасхальные яйца. Веселенькие краски впитались в кожу.

Внезапно спиритический сеанс, который казался забавной идеей несколько дней назад, когда Габри повесил в бистро объявление, извещавшее о приезде знаменитого экстрасенса мадам Айседоры Блаватски, стал видиться по-другому. Клара почувствовала, как на место радостного предвкушения пришел страх.

Глава третья

Мадам Айседора Блаватски в тот вечер была сама не своя. На самом деле она была вовсе не мадам Айседора Блаватски.

– Прошу вас, называйте меня Жанна. – Эта похожая на мышь женщина стояла в центре второго зала бистро и протягивала руку. – Жанна Шове.

– Bonjour, Madame Chauvet. – Клара улыбнулась и пожала вялую руку. – Excusez-moi⁷.

– Жанна, – напомнила ей женщина еле слышным голосом.

Клара шагнула к Габри, который предлагал гостям блюдо с копченым лососем. Зал начал понемногу заполняться.

Габри протянул блюдо Кларе:

– Немного лосося?

– Кто она? – спросила Клара.

– Мадам Блаватски, знаменитый венгерский экстрасенс. Ты что, не чувствуешь ее энергетику?

Кларе помахали Мадлен и месье Беливо, она ответила им тем же, потом посмотрела на Жанну, которая, судя по ее виду, готова была упасть в обморок, если бы кто-то ее освистал.

– Я определенно чувствую что-то, юноша, и это чувство – раздражение.

Габри Дюбо разрывался между двумя чувствами: с одной стороны, он испытал удовольствие, услышав подобное обращение к себе, а с другой – в этом обращении было что-то оскорбительное.

– Это не мадам Блаватски. Она даже не прикидывается ею. Ее зовут Жанна как-то там, – рассеянно сказала Клара, кладя кусочек лосося на черный хлебец. – Ты нам обещал мадам Блаватски.

– Ты даже не знаешь, кто такая мадам Блаватски.

– По крайней мере, я могу отличить мадам Блаватски от не мадам Блаватски.

Клара кивнула и улыбнулась маленькой женщине средних лет, стоявшей посреди комнаты в некотором замешательстве.

– А ты бы пришла, если бы знала, что она – экстрасенс? – Габри качнул блюдом в сторону Жанны.

С блюда скатился каперс и потерялся в пушистом восточном ковре.

«Ну почему мы никогда не учимся? – вздохнула про себя Клара. – Каждый раз, приглашая гостя, Габри устраивает нечто запредельное. Что-нибудь вроде того чемпиона по покеру, который увез все наши деньги, или певца, в сравнении с которым даже Рут – настоящая Мария Каллас. И как бы ни были катастрофичны эти устраиваемые Габри мероприятия для жителей деревни, еще худшим злом они оборачиваются для ничего такого не ожидающих гостей, оказавшихся в центре загулявших Трех Сосен, тогда как они хотели всего лишь провести немного времени среди деревенского покоя».

Она посмотрела на Жанну Шове: та оглядывала комнату, отирала ладони о свои синтетические брюки и улыбалась портрету над пылающим камином. Прямо на глазах у Клары она словно бы исчезла. Это был настоящий трюк, хотя вряд ли он что-то говорил о ее способностях экстрасенса. Клара не испытывала к ней добрых чувств. И о чем только думал Габри?

– О чем ты думал?

– Что ты имеешь в виду? Она экстрасенс. Сама мне сказала, когда регистрировалась в гостинице. Ты права, она не мадам Блаватски. И не из Венгрии. Но она умеет предсказывать будущее.

⁷ Добрый день, мадам Шове... Прошу прощения (*фр.*).

– Постой-ка... – В голову Клары закрались подозрения. – Она хоть знает, что ты запланировал этот вечер?

– Я уверен, что она интуитивно это поняла.

– Ну да, когда стали собираться люди. Габри, как ты мог так с ней поступить? Как ты мог так поступить с нами?

– С ней все будет в порядке. Ты посмотри на нее. Она уже раскрепощается.

Мирна принесла Жанне Шове стакан белого вина, и та выпила его залпом, словно воду перед совершением чуда. Мирна посмотрела на Клару и вскинула брови. Еще немного – и Мирне самой придется проводить сеанс.

– Спиритический сеанс? – спросила Жанна минуту спустя, когда Мирна поинтересовалась у нее, чего им следует ожидать. – А кто будет его проводить?

Все глаза обратились на Габри. Он преувеличенно аккуратно поставил блюдо с лососем на столик и подошел к Жанне. Рядом с крупной фигурой Габри, излучавшего природный энтузиазм, эта невзрачная женщина как будто усохла еще больше и стала похожа на вешалку. По предположению Клары, ей было около сорока. Свои тускло-каштановые волосы она, видимо, стригла сама. Глаза у нее были голубые, словно выцветшие, а одежда явно куплена на распродаже. Клара, которая, будучи художницей, большую часть жизни провела в нищете, быстро определила это наметанным взглядом. У нее мелькнула мысль: почему Жанна приехала в Три Сосны и платит за номер в гостинице Габри, пусть и дешевой, но далеко не бесплатной?

Жанна больше не казалась испуганной – всего лишь растерянной. Кларе хотелось подойти и обнять эту миниатюрную женщину, защитить ее от того, что грядет. Ей хотелось угостить Жанну хорошим горячим обедом, дать возможность принять теплую ванну, окружить добротой, – может быть, это укрепит ее.

Клара оглядела зал. Питер категорически отказался идти сюда, назвав это шарлатанством. Но перед тем как она ушла, он задержал ее руку на секунду дольше, чем необходимо, и попросил быть осторожной. Клара улыбалась, шагая под звездами вокруг деревенского луга в приветливое бистро. Питер воспитывался в строгих англиканских традициях, и у него такие вещи вызывали неприятие. И даже пугали его.

За обедом они немного поговорили об этом, и Питер предсказуемо отстаивал точку зрения, что это помешательство.

– Ты хочешь сказать, что я помешанная? – спросила Клара.

Она знала, что ничего подобного он в виду не имел, но ей нравилось видеть, как он ежится. Питер поднял голову в густых кудрях с обильной сединой и сердито посмотрел на жену. Высокий и стройный, с греческим носом и умными глазами, он напоминал президента банка, а не художника. И тем не менее он был художником. Правда, художником, потерявшим связь со своим сердцем. Он жил в абсолютно рациональном мире, где все необъяснимое было помешательством, либо глупостью, либо безумием. Эмоции были безумием. Кроме такой эмоции, как его любовь к Кларе, которая была абсолютной и всепоглощающей.

– Нет, помешанная эта ваша экстрасенс. Она шарлатанка. Общение с мертвыми, предсказание будущего. Дребедень. Мошенничество старее самой старой книги.

– Какой книги? Библии?

– Не играй со мной в эти игры, – остерег ее Питер.

– Нет, правда. В какой книге говорится о превращениях воды в вино, хлеба в плоть? Или о волшебстве типа хождения по воде? Или о том, как расступаются воды моря, как слепые начинают видеть, а калеки – ходить?

– Это были чудеса, а не волшебство.

– Вот оно что...

Клара кивнула, улыбнулась и продолжила есть.

Так и получилось, что на спиритический сеанс Клара заявила в компании Мирны. Мадлен и месье Беливо тоже пришли. За ручки они не держались, но в любую минуту были готовы. Его длинная рука в свитере касалась ее руки, и та не отстранялась. В очередной раз Клара поразилась: насколько же привлекательна Мадлен. Она принадлежала к тому типу женщин, с которыми хотят дружить другие женщины и которых мужчины хотят заполучить в жены.

Клара улыбнулась месье Беливо и зарделась. Уж не потому ли, что застала их в интимный момент, когда чувства, которые лучше держать при себе, прорываются наружу? Она подумала минуту-другую и поняла, что этот румянец больше связан с ней, чем с ним. Она стала иначе относиться к месье Беливо, случайно подслушав Жилия этим днем. Тихий бакалейщик превратился из человека приятного и добродушного в загадку. Кларе не нравилась эта трансформация. И сама себе она не нравилась из-за того, что слухи оказывали на нее такое сильное влияние.

Жиль Сандон стоял перед камином, энергично впитывая тепло задней частью своих обширных джинсов. Он был такой громадный, что почти целиком загораживал собой камин. Одиль Монмани принесла ему стакан вина, и Жиль рассеянно взял его, предпочитая сосредоточить свое внимание на месье Беливо, который как будто не замечал этого.

Клара всегда симпатизировала Одиль. Они были одного возраста, обе посвятили себя искусству: Клара в качестве художника, Одиль – как поэтесса. Она заявляла, что работает над эпической поэмой – одой англичанам в Квебеке, что вызывало подозрения, поскольку сама она была француженкой. Клара на всю жизнь запомнила чтения, на которых она побывала в Королевском канадском легионе в Сен-Реми. Туда были приглашены все местные писатели, включая Рут и Одиль. Рут читала первой из своей жесткой поэмы под названием «Обращение к прихожанам».

Завидую: ваш монолит —
Собрание благих молитв.
Как я завидую, о да,
Легко вам вместе, без труда
Живется так. И не понять,
Как я одна могу стоять.

Потом наступила очередь Одиль. Она вскочила со стула и тут же принялась читать свое.

Идет весна, шмелиный гул,
Земля пускается в загул,
Рассет бёрбанк⁸ и стрелостой
Стынь зимнюю зовут на бой,
И лето будет за весной.

– Замечательное стихотворение, – солгала Клара, когда все закончили и собрались около бара, чувствуя острую потребность выпить. – Мне вот что любопытно. Рассет бёрбанк я еще знаю, но вот о стрелостое никогда не слышала.

– Я его сочинила, – радостно сообщила Одиль. – Мне нужно было слово, которое рифмовалось бы с «бой» и «весной».

– А «зверобой» вас не устроило? – спросила Рут.

Клара кинула на нее предостерегающий взгляд, но Одиль взвесила это предложение:

– Боюсь, звучит недостаточно сильно.

⁸ Рассет бёрбанк – сорт картофеля.

– И верно, куда уж ему равняться со «стрелостоем», – сказала Рут Кларе и снова обратилась к Одиль: – Что ж, я, безусловно, чувствую себя обогащенной, чтобы не сказать оплодотворенной. Единственный поэт, с кем я могу вас сравнить, – это Сара Бинкс⁹.

Одиль, никогда не слышавшая о Саре Бинкс, почувствовала, что ее культурный кругозор ограничен образованием, которое признавало только франкоговорящий гений. Она понимала, что Сара Бинкс, вероятно, величайшая английская поэтесса. Этот комплимент от Рут Зардо послужил мощным стимулом для творчества Одиль Монманы, и когда в их магазине «Ля мезон биоложик» в Сен-Реми выдавались тихие моменты, она доставала свою потрепанную, растерзанную школьную тетрадку и записывала туда новое стихотворение, иногда даже не дожидаясь вдохновения.

Клара, у которой были свои художественные терзания, находила у себя и Одиль общие черты и подбадривала ее. Питер, разумеется, считал Одиль чокнутой, но Клара знала, что это не так. Нередко великих людей в искусстве определяет не гениальность, а стоицизм. Одиль была стоиком.

Восьмером они собрались в уютном втором зале быстро, чтобы в эту Страстную пятницу приступить к воскрешению. Правда, пока было неясно, кто это будет делать.

– Только не я, – отказалась Жанна. – Я думала, что экстрасенс – кто-то из вас.

– Габри? – обратился Жиль Сандон к хозяину заведения.

– Но вы сказали мне, что умеете предсказывать будущее, – умоляющим тоном обратился Габри к Жанне.

– Это так. Карты Таро, руны и всякое такое. Я не общаюсь с мертвыми. По крайней мере, не часто.

«Забавно, – подумала Клара. – Если долго ждать, то можно услышать очень странные вещи».

– Не часто? – переспросила она.

– Иногда, – признала Жанна, слегка отстраняясь от Клары, словно опасаясь нападения.

Клара притворно улыбнулась и постаралась выглядеть менее напористой, хотя этой женщине и шоколадный заяц показался бы напористым.

– Не могли бы вы сделать это сегодня? Пожалуйста! – попросил Габри.

Задуманная им вечеринка рушилась на глазах.

Крохотная, похожая на мышку, хрупкая Жанна стояла в середине их кружка. И тут Клара увидела, как что-то промелькнуло на лице этой серой женщины. Улыбка. Нет. Ухмылка.

⁹ «Сара Бинкс» – роман Пола Хиберта, представляющий биографию вымышленной поэтессы Саскачевана и высмеивающий литературную претенциозность.

Глава четвертая

Хейзел Смит развила бурную деятельность в своем уютном, хотя и тесноватом доме. Ей нужно было переделать миллион вещей до возвращения ее дочери Софи из Университета Куинс. На кроватях уже лежали чистые, хрустящие простыни. Печеные бобы медленно готовились, хлеб поднимался, холодильник был набит до отказа любимой едой Софи. Наконец Хейзел рухнула на неудобный, набитый конским волосом диван в гостиной, чувствуя каждый день из всех прожитых ею сорока двух лет и даже чуть больше. Старый диван, казалось, весь был утыкан крохотными иголочками, которые впивались во все, что садилось на них, словно хотели скинуть с себя этот груз. И тем не менее Хейзел любила этот диван, может быть, потому, что больше никто его не любил. Она знала, что он набит не только конским волосом, но и воспоминаниями, иногда столь же колючими, как и волос.

– Неужели он все еще на своем месте, Хейз? – рассмеялась Мадлен несколькими годами ранее, когда впервые после приезда вошла в эту тесную комнату.

Поспешив к старому дивану, Мадлен взгромоздилась на него, перегнулась через спинку, словно забыла, как надо сидеть, и предъявила ошарашенной Хейзел свою поджарую задницу.

– Вот это да! – раздался приглушенный голос Мад: голова ее находилась между диваном и стеной. – Помнишь, как мы шпионили за твоими родителями, спрятавшись за спинкой этого дивана?

Хейзел забыла об этом. Еще одно воспоминание в дополнение к прежним, связанным с этим мягким диваном. Внезапно раздался громкий смех, и Мадлен, как девчонка, какой она была когда-то, крутанулась, села лицом к Хейзел и протянула ей руку. Хейзел, двинувшись вперед, увидела что-то в тонких пальцах. Что-то незапятнанное и белое, похожее на небольшую обесцвеченную кость. Хейзел остановилась, испугавшись того, что произвел на свет божий этот диван.

– Это тебе, – сказала Мадлен и осторожно положила небольшой подарок на ладонь Хейзел.

Мадлен сияла – другого слова и не подобрать. Ее бритая голова была повязана косынкой, брови неумело подведены, отчего вид у нее был слегка удивленный. Но, несмотря на все это, Мадлен сияла. И унылая комната наполнялась ее необыкновенной радостью.

Они не виделись двадцать лет, и Хейзел помнила каждое мгновение их юношеской дружбы, но почему-то забыла, как оживала в присутствии Мадлен. Она посмотрела на свою ладонь. Это была не кость, а скрученная записка.

– Все эти годы она пролежала в диване, – сказала Мадлен. – Ты только представь. Столько лет прошло! Наверное, ждала нас. Ждала этого мгновения.

Теперь Хейзел вспомнила, что Мадлен всегда распространяла вокруг себя волшебство. А там, где было волшебство, случались и чудеса.

– Где ты ее нашла?

– Там. – Мад махнула рукой, показывая за спинку дивана. – Ты как-то раз вышла в туалет, а я ее засунула в дырочку.

– В дырочку?

– Дырочку, просверленную авторучкой.

Глаза Мадлен сверкали, когда она показывала, как проделала дырочку в диване авторучкой, и Хейзел вдруг поймала себя на том, что смеется. Она представила себе, как эта девчонка просверливает сие драгоценное владение ее родителей. Мадлен была бесстрашной. Если Хейзел была в классе старостой, то Мадлен всегда опаздывала на уроки – выбегала покурить в лесок.

Хейзел посмотрела на крохотный белый цилиндрик у себя на ладони – оставаясь два десятилетия в чреве дивана и не подвергаясь воздействию света, он сохранился в своей первоначальной чистоте.

Наконец она развернула его. Хотя и знала, что у нее есть основания опасаться этой бумажки. Потому что слова, написанные там, немедленно и полностью изменили ее жизнь. Яркими синими чернилами на бумаге было начертано круглыми буквами одно простое предложение.

«Я тебя люблю».

Хейзел боялась встретиться взглядом с Мадлен. Оторвав глаза от крохотной записки, она посмотрела вокруг и увидела, что ее гостиная, еще сегодня утром такая унылая, вдруг потеплела и стала уютной, а выцветшие краски обрели сочность. А когда ее взгляд дошел до Мадлен, произошло чудо. Прежде она была одна, а теперь их стало двое.

Мадлен уехала в Монреаль заканчивать курс лечения, но при первой же возможности вернулась в этот деревенский домик в окружении пологих холмов, лесов и полей, поросших весенними цветами. Мадлен обрела дом. Как и Хейзел.

Хейзел взяла штопку с дивана. Ее беспокоило, очень беспокоило то, что происходит в бистро.

Они обратились к рунам – древним нордическим знакам, предсказывающим будущее. Судя по руническим камням, Клара была быком, Мирна – сосновым факелом, Габри – свечкой, хотя Клара сказала ему, что руна означает «сучка».

– Ты смотри, как все верно, – заметил впечатленный Габри. – Даже Господь знает, что ты – бык.

Месье Беливо залез в маленькую плетеную корзиночку и извлек оттуда камень, на котором был нарисован символ алмаза.

– Брак, – высказал предположение месье Беливо.

Мадлен улыбнулась, но промолчала.

– Нет, – возразила Жанна. – Это бог Инг.

– Дайте-ка я попробую, – вызвался Жиль Сандон.

Он засунул в маленькую корзинку свою мощную, мозолистую руку и вытащил ее сжатой в кулак. Когда он раскрыл кулак, все увидели камень с буквой R. Кларе это показалось немного похожим на деревянные яйца, которые они прятали для детей. Эти яйца тоже были раскрашенными символами. Но яйца символизировали жизнь, тогда как камни были символами смерти.

– Что это значит? – спросил Жиль.

– Это означает верховую езду. Приключение, путешествие, – сказала Жанна, взглянув на Жилья. – Нередко сопровождается трудом. Тяжелой работой.

– А что-нибудь новенькое?

Одиль рассмеялась, а вместе с ней и Клара. Жиль всю жизнь делал тяжелую работу, и по его сорокапятилетнему телу было видно, что немалое количество этих лет он провел на лесоповале. Мощное тело, руки в кусочках лейкопластыря и почти всегда в синяках.

– Но вы достали его вверх ногами, – сказала Жанна, положив руку на камень в мягком центре ладони Жилья, окруженном горками мозолей. – R перевернуто.

За этим последовало молчание. Габри, прочитав небольшую брошюрку, посвященную рунам, обнаружил, что его камень означает «свечка», а не «сучка», и стал спорить по этому поводу с Кларой, грозясь урезать количество потребляемого ею кофе с молоком и красного вина. Теперь эти двое подошли к другим и присоединились к разговору, кружок стал еще плотнее и теснее.

– И что это значит? – спросила Одиль.

– Это означает трудную дорогу впереди. Предупреждает, что нужно быть осторожнее.

– А что означал его камень? – Жиль показал на месье Беливо.

– Бог Инг? Он символизирует плодovitость, мужественность. – Жанна улыбнулась, глядя на спокойного, мягкого бакалейщика. – А еще это серьезное напоминание о том, что необходимо уважать все естественное.

Жиль издал неприятный, самодовольный смешок.

– Теперь пусть Мадлен, – предложила Мирна, стараясь снять напряжение.

– Отлично. – Мад засунула руку в корзиночку и извлекла оттуда камень. – Мой камень наверняка скажет, что я бессердечная эгоистка. П. – Она улыбнулась, глядя на символ. – Это удивительно, потому что мне и в самом деле хочется пи-пи.

– Этот знак символизирует радость, – объяснила Жанна. – Но знаете, что еще?

Мадлен задумалась. На глазах у Клары огромная энергия, исходящая от этой женщины, стала таять, уменьшаться. На мгновение Мадлен словно согнулась пополам.

– Эта буква тоже перевернутая, – сказала она.

Хейзел штопала драный носок, но мысли ее витали где-то далеко. Она посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. «Еще рано», – сказала она себе.

Ей было любопытно, что сейчас происходит в бистро в Трех Соснах. Мадлен предложила ей тоже пойти, но Хейзел отказалась.

– Только не говори мне, что боишься, – поддразнила ее Мадлен.

– Ничего я не боюсь. Просто это глупости – пустая трата времени.

– Не боишься призраков? Значит, ты смогла бы переехать в дом рядом с кладбищем?

Хейзел подумала и ответила:

– Вероятно, нет. Но только потому, что его потом трудно было бы продать.

– Ты, как всегда, практична, – рассмеялась Мадлен.

– Ты веришь, что эта женщина может общаться с мертвыми?

– Не знаю, – пожала плечами Мад. – Откровенно говоря, я об этом не думала. Просто это кажется забавным.

– Многие люди верят в призраков, в дома, посещаемые привидениями, – сказала Хейзел. – Я читала об одном таком на днях. Это было в Филадельфии. Там является монах, а посетители видят на лестницах человеческие тени. И еще что-то было... не помню что. У меня мурашки поползли по коже. Ах да. Холодная точка. Прямо у большого старого кресла. И тот, кто в него садится, умирает, но не прежде, чем увидит призрак старухи.

– Ты вроде бы сказала, что не веришь в призраков.

– Я не верю, но многие другие верят.

– В большинстве культур есть понятие «духи», – кивнула Мадлен.

– Но мы ведь не о них говорим, верно? Мне кажется, тут есть различие. Призраки – они зловещие, коварные. В призраках есть что-то мстительное и злобное. Не думаю, что такими вещами стоить шутить. А здание, в котором находится бистро, было построено не одну сотню лет назад. Один Господь знает, сколько народу там умерло. Нет. Я останусь дома, посмотрю немного телевизор, отнесу обед соседке – бедной мадам Беллоус. И буду избегать призраков.

Сидя при свете единственной лампы в гостиной, Хейзел вспоминала этот разговор, и у нее кровь стыла в жилах, словно рядом с ней обосновался призрак, создав холодную точку. Она встала и включила все лампы. Но комната осталась тусклой. Без Мадлен дом как будто увядал.

При включенном свете она больше не видела, что происходит за окном, – видела лишь собственное отражение в стекле. По крайней мере, она надеялась, что это ее отражение. Хейзел видела женщину средних лет, сидящую на диване в длинной юбке и жакете оливкового цвета, со скромной ниткой жемчуга на шее. Это вполне могла быть ее мать. А может, это и была ее мать.

Питер Морроу стоял на пороге мастерской Клары, вглядываясь в темноту. Он вымыл посуду, почитал, сидя перед камином в гостиной, а когда ему это наскучило, решил провести часок в собственной мастерской – поработать над новой картиной. Он прошел по кухне в другую часть их маленького дома, намереваясь открыть дверь своей мастерской и войти туда.

Почему же он остановился перед открытой дверью в мастерскую Клары?

Там было темно и очень тихо. Он слышал, как бьется его сердце. Руки у него были холодные. Он вдруг понял, что задерживает дыхание.

Это действие было таким простым, даже естественным.

Он протянул руку и щелкнул выключателем. А потом вошел.

Они сидели кружком на деревянных стульях. Жанна сосчитала присутствующих и пришла в замешательство:

– Восемь – плохое число. Нам не стоит этого делать.

– Что значит «плохое» число? – спросила Мадлен, у которой вдруг тревожно забилося сердце.

– Оно идет сразу после семи, – сказала Жанна так, будто это что-то объясняло. – Восьмерка образует знак бесконечности. – Она начертила пальцем в воздухе невидимый знак. – Энергия ходит по кругу. Ей некуда вырваться. Она злится, разочаровывается и набирает огромную силу. – Она вздохнула. – Это очень нехорошо.

Все лампы были выключены, единственный свет давал камин, где потрескивал огонек, отбрасывая на всех пляшущие тени. Кто-то сидел спиной к огню, остальные образовывали ряд встревоженных лиц, словно отделенных от тела.

– Я хочу, чтобы вы выкинули все из головы.

Голос Жанны звучал низко, гулко. Лица ее они не видели. Она сидела спиной к огню. У Клары создалось впечатление, что Жанна села так специально. А впрочем, может, и нет.

– Дышите глубоко, выпустите из себя все тревоги и заботы. Привидение чувствует энергию. Любая негативная энергия только привлечет злонамеренных привидений. Мы должны наполнить быстро позитивной, любящей добротой, чтобы привлечь хороших привидений.

– Черт, – прошептал Габри. – Это была плохая идея.

– Заткнись, – прошипела Мирна, сидящая рядом с ним. – Думай о хорошем, идиот. И поскорее.

– Мне страшно, – прошептал он.

– А ты прекрати бояться. Отправляйся в свое любимое место, Габри, в любимое место, – прокричала Мирна.

– Вот мое любимое место! – отрезал Габри. – Забери ее первой, привидение, она большая и сочная. Пожалуйста, не трогай меня.

– Ты свечка, – сказала Мирна.

– Прошу тишины, – проговорила Жанна таким властным голосом, какого Клара в жизни не слышала. – Если вдруг раздастся неожиданный громкий звук, я хочу, чтобы вы тут же все взяли за руки. Ясно?

– Зачем? – прошептал Габри, обращаясь к Одиль, сидевшей от него по другую сторону. – Она ждет чего-то нехорошего?

– Ш-ш-ш, – прошипела едва слышно Жанна, и все разговоры смолкли. Даже дыхание замерло. – Они идут.

Все сердца прекратили биться.

Питер вошел в мастерскую Клары. Он заходил сюда сотни раз и знал, что она не просто так не запирает дверь. Ей нечего прятать. И все же по какой-то причине он чувствовал себя виноватым.

Он быстро оглянулся и прошел к большому мольберту в центре мастерской. Здесь пахло красками, лаками и деревом, а к этому примешивался легкий аромат крепкого кофе. Долгие годы творчества и варки кофе наделили эту комнату способностью успокаивать. Так почему же Питеру было так тревожно?

Он остановился у мольберта. Клара набросила на полотно кусок материи. Он стоял, глядя на материю и убеждая себя уйти, умоляя себя не делать того, что собирался. Сам не веря себе, он протянул правую руку. Словно человек, покинувший свое тело, он знал: управлять тем, что сейчас произойдет, невозможно. Все предопределено.

Его рукахватила старый, заляпанный красками кусок материи и сорвала его.

Комната погрузилась в тишину. Кларе отчаянно хотелось схватить Мирну за руку, но она не осмеливалась шелохнуться. Мало ли что может случиться. А вдруг это ее движение привлечет к ней внимание того, что появится?

А потом они слышали. Все слышали.

Шаги.

Поворот дверной ручки.

Кто-то заскулил, как испуганный щенок.

И вдруг тишину разорвал ужасающий удар. Раздался мужской вопль. Клара почувствовала, как с обеих сторон ее ухватили руки. Она вцепилась в них со страшной силой, будто от этого зависела ее жизнь, и начала молиться, повторяя снова и снова:

– Благослови, Господи, эту пищу, чтобы она пошла нам во благо и придала сил для служения Тебе и помощи тем, кто в ней нуждается. Аминь.

– Впустите меня, – раздался голос из загробного мира.

– О боже, до чего злобное привидение, – прошептала Мирна. – Это ты во всем виноват, – сказала она Габри, который сидел с расширившимися от ужаса глазами.

– Жутко! – завопил бестелесный голос. – Жу-у-у-утко...

Затряслась оконная рама, и у стекла появилось страшное лицо. Все охнули и отпрянули подальше от окна.

– Бога ради, Дороти, я же знаю, что ты там! – вскричал голос.

Клара и представить себе не могла, что последние слова, которые она услышит на земле, будут такими. Она всегда считала, что это будет: «И о чем ты только думала?»

Габри, дрожа всем телом, поднялся на ноги.

– Господи милостивый! – воскликнул он, осеняя себя крестом. – Это кто-то еще живой.

По ту сторону окна Рут Зардо прищурилась и перекрестила его, оборвав это движение на половине.

Питер разглядывал полотно на мольберте. Челюсти его сжались, глаза прищурились. Все оказалось хуже, чем он предполагал, хуже, чем он опасался, а опасения Питера были велики. Он видел перед собой последнюю работу Клары – ту, которую она вскоре собиралась показать Дени Фортену, влиятельному галеристу из Монреаля. До сего времени Клара сражалась во тьме, создавая почти невразумительные произведения искусства. По крайней мере, для Питера они были невразумительными.

И вдруг ни с того ни с сего возник Дени Фортен – постучал в их дверь. Питер был уверен, что известный дилер, имевший контакты по всему миру, приехал, чтобы встретиться с ним. Ведь знаменитостью-то в конечном счете был он, Питер. Его мучительно детализированные картины уходили за тысячи долларов и висели на стенах лучших домов Канады. Питер, естественно, провел Фортену в свою мастерскую, однако ему вежливо было сказано, что его работы очень милы, но дилер приехал, чтобы встретиться с Кларой Морроу.

Скажи Фортен, что он хочет позеленеть и улететь на Луну, Питер удивился бы меньше. Увидеть работы Клары? У него что-то заклинило в мозгу, и он уставился на Фортена.

– Зачем? – спросил он.

Пришла очередь Фортена недоуменно смотреть на него.

– Она ведь Клара Морроу? Художница? Один мой друг показал мне ее портфолио. Ведь это ее работы?

Фортен достал из сумки портфолио – и, конечно, там оказалось Кларино плачущее дерево. Плачущее словами-слезами. Какое дерево плачет словами? Питер задавал себе этот вопрос, когда Клара впервые показала ему эту свою работу. И вот теперь Дени Фортен, самый знаменитый галерист Квебека, говорит, что это впечатляющее произведение искусства.

– Это мои работы, – сказала Клара, пытаясь втиснуться между двумя мужчинами.

Словно во сне, потрясенная, она провела Фортена к себе мастерскую. И описала свою последнюю работу, укрытую материей. Фортен рассматривал материю, но не пытался ее снять, даже не попросил об этом.

– Когда она будет закончена?

– Через несколько дней, – сказала Клара, недоумевая, к чему все эти вопросы.

– Ну, скажем, в первую неделю мая? – Он улыбнулся и тепло пожал ей руку. – Я привезу моих кураторов, чтобы мы все могли решить.

– Решить?

Знаменитый Дени Фортен меньше чем через неделю приезжает, чтобы увидеть последнюю работу Клары. И если она ему понравится, ее будущее будет обеспечено.

И вот теперь Питер смотрел на эту работу.

Он вдруг почувствовал, как что-то схватило его. Сзади. Оно потянулось к нему и завладело им. Питер охнул от боли, обжигающей, раздирающей боли. Глаза его налились слезами, и его охватил гнев, который всегда угрожал его жизни. Он прятался от этого гнева еще ребенком, убегал от него, хоронил его, отрицал. Этот гнев преследовал его и наконец нашел. Здесь, в мастерской его любимой жены. Этот жуткий монстр нашел его, когда он стоял перед ее творением.

Нашел и сожрал.

Глава пятая

– И чего же хотела Рут? – спросил Оливье, ставя стаканы с односолодовым виски перед Мирной и Габри.

Одиль и Жиль уже ушли, но все остальные еще находились в бистро. Клара помахала Питеру, который стаскивал с себя куртку и вешал на крючок у двери. Она позвонила ему, как только закончился спиритический сеанс, и пригласила на вскрытие.

– Ну, поначалу мы думали, что она кричит «жутко», – сказала Мирна, – но потом поняли, что она кричит «утка».

– «Утка»? Точно? – переспросил Оливье, присаживаясь на подлокотник кресла Габри и делая глоток коньяка. – «Утка»? Ты думаешь, что она все время именно это и говорила?

– А мы просто не расслышали, да? – язвительно произнесла Мирна. – «Уткнись» – так она сказала мне как-то раз.

– «Уткнись»? – сказала Клара. – Что ж, вполне возможно. Она часто пребывает в неважном настроении.

Месье Беливо рассмеялся и посмотрел на Мадлен, которая сидела рядом с ним, бледная и безмолвная.

Прекрасный апрельский день перешел в холодный и сырой вечер. Время приближалось к полуночи, и в бистро, кроме них, никого не осталось.

– И чего она хотела? – спросил Питер.

– Помощи с какими-то утиными яйцами. Помните – те, что мы нашли у пруда сегодня днем? – спросила Клара, обращаясь к Мад. – С вами все в порядке?

– Конечно. – Мадлен улыбнулась. – Просто немного нервничаю.

– Прошу прощения, – сказала Жанна.

Она сидела на жестком стуле вне их кружка. Вернулась в свое мышинное «я». Все признаки сильного, спокойного экстрасенса исчезли, как только был включен свет.

– Нет-нет, это никоим образом не связано со спиритическим сеансом, – заверила ее Мадлен. – Мы после обеда пили кофе, а там, вероятно, был кофеин. Он действует на меня таким образом.

– Mais, ce n'est pas possible¹⁰, – сказал месье Беливо. – Я уверен, что этот кофе был без кофеина.

Впрочем, он и сам немного нервничал.

– Что это за история с яйцами? – спросил Оливье, разглаживая стрелочку на своих безукоризненных вельветовых брюках.

– Похоже, когда мы ушли, Рут отправилась на пруд и перетрогала все яйца в гнезде.

– Не может быть, – сказала Мад.

– Потом птицы вернулись, но насиживать яйца не стали, – продолжила Клара. – Точно как вы и говорили. И потому Рут взяла их домой.

– Чтобы съесть? – спросила Мирна.

– Чтобы вывести утят, – ответил Габри, который вместе с Кларой ходил в крохотный дом Рут посмотреть, не могут ли они чем-нибудь помочь.

– Но она хоть не сидит на них? – спросила Мирна, сама не зная, смешит ее этот образ или отталкивает.

– Нет, на самом деле она все очень мило устроила. Когда мы пришли, яйца лежали на мягком фланелевом одеяле в корзинке. Она сунула их в духовку и поставила на минимум.

– Неплохая мысль, – заметил Питер.

¹⁰ Но это невозможно (*фр.*).

Он, как и остальные, предполагал, что Рут скорее съест яйца, чем будет их спасать.

– Она эту духовку, кажется, сто лет не включала. Говорит, что та потребляет слишком много электричества, – сказала Мирна.

– А теперь включила, – сказала Клара. – Хочет вывести утят. Вот несчастные родители!

Она взяла свой стакан с виски и посмотрела в окно на темный деревенский луг, представляя себе, как родители сидят у пруда – там, где недавно была их молодая семья, где их детки набирались сил в скорлупках, веря, что мамочка с папочкой о них позаботятся. Клара знала, что утки выбирают себе пару на всю жизнь. Вот почему охотничий сезон на уток казался ей особенно жестоким. Осенью нередко встречались одинокие утки, издававшие безутешное кряканье. Они звали. Ждали свою пару. И обречены были ждать всю оставшуюся жизнь.

Может быть, родители-утки сейчас ждут? Ждут возвращения своих деток? Верят ли утки в чудеса?

– И все же вы, наверное, жутко перепугались. – Оливье рассмеялся, представив себе Рут у окна.

– К счастью, Клара успешно поспособствовала преодолению этого кризиса в общении с загробным миром, повторяя древнюю молитву, – сказал Габри.

– Кто-нибудь еще будет пить? – поспешила спросить Клара.

– Благослови, Господи, эту пищу, – начал Габри, и остальные присоединились к нему, – чтобы она пошла нам во благо и придала сил для служения Тебе...

Питер разразился смехом, чувствуя, как виски потекло у него по подбородку.

– ...и помощи тем, кто в ней нуждается, – закончил Питер, глядя в ее веселые голубые глаза.

– Аминь! – произнесли они хором, включая и Клару, которая тоже засмеялась.

– Ты читала молитву? – спросил Питер.

– Понимаешь, я думала, что сейчас снова увижу свой обед.

Теперь смеялись все, и даже степенный и правильный месье Беливо производил низкое раскатистое урчание и вытирал слезы с глаз.

– Явление Рут, безусловно, сорвало сеанс, – сказала Клара, отсмеявшись.

– Думаю, что сеанс в любом случае не получился бы успешным, – заметила Жанна.

– Почему? – спросил Питер, которому любопытно было услышать объяснение.

– Боюсь, в этом месте слишком много радости, – сказала Жанна Оливье. – Я это почувствовала сразу по приезде.

– Черт! – выругался Оливье. – Нужно положить этому конец.

– Тогда зачем же вы устроили сеанс? – не отставал Питер, уверенный, что вывел ее на чистую воду.

– Понимаете, это была не моя идея. Я собиралась провести этот вечер здесь за *linguine primavera*¹¹ и старыми номерами «Сельской жизни». И никаких злых привидений поблизости. – Жанна смотрела Питеру в глаза, и улыбка постепенно сходила с ее лица.

– Только одно, – сказал месье Беливо.

Питер оторвал взгляд от Жанны и посмотрел на Беливо, предполагая увидеть, что тот, словно Джекоб Марли¹², корявым пальцем указывает на него. Но орлиный профиль месье Беливо был обращен к окну.

– Что вы имеете в виду? – спросила Жанна.

Она проследила за его взглядом, но увидела за кружевными занавесками только теплые огни в деревенских домах и старое освинцованное стекло.

¹¹ Овощное блюдо с лапшой (*ит.*).

¹² *Джекоб Марли* – персонаж рассказа Чарлза Диккенса «Рождественская песнь».

– Вон там. – Месье Беливо дернул головой. – За деревней. Этого не увидишь, если не знаешь, где искать.

Клара не стала смотреть. Она знала, о чем он говорит, и молча молила его остановиться.

– Но оно там, – продолжил он. – Если посмотреть на холм над деревней, то увидишь пятно темнее других.

– Что это? – спросила Жанна.

– Зло, – ответил старый бакалейщик, и в зале воцарилось молчание.

Даже огонек в камине, казалось, перестал потрескивать.

Жанна подошла к окну и сделала так, как сказал месье Беливо. Она оторвала взгляд от притягательной деревни. Ей потребовалось несколько секунд, но в конце концов над огнями Трех Сосен она увидела это – пятно темнее ночи.

– Старый дом Хадли, – прошептала Мадлен.

Жанна снова повернулась к собравшимся. Они больше не сидели расслабившись, а были напряжены, встревожены. Мирна взяла стакан с виски и сделала глоток.

– Почему вы говорите, что это зло? – спросила Жанна у месье Беливо. – Это довольно сильное обвинение лица или места.

– Там происходят плохие дела, – просто сказал он, глядя на остальных в ожидании поддержки.

– Он прав, – сказал Габри и взял Оливье за руку, но повернулся к Кларе и Питеру. – Можно сказать?

Клара посмотрела на Питера, тот пожал плечами. Старый дом Хадли вот уже несколько месяцев стоял пустым. Но Питер знал, что дом не пуст. Часть Питера осталась в этом доме. Слава богу, не рука, не нос и не нога. Он оставил там нечто нематериальное, но имеющее громадное значение. Он оставил там надежду и доверие. И веру. Та малость веры, что у него еще оставалась, была потеряна. Потеряна там.

Питер Морроу знал, что старый дом Хадли – воплощение зла. Дом крал вещи, важные для людей. Человеческие жизни. И друзей. Души и веру. Этот дом украл у Питера его лучшего друга – Бена Хадли. И это чудовище на холме излучало только скорбь.

Жанна Шове продефилировала назад к камину, подтащила свой стул поближе к остальным собравшимся и наконец оказалась в их кругу. Она уперла локти в острые колени и наклонилась вперед, ее глаза теперь горели ярче – таких ярких глаз Клара не видела у нее весь вечер.

Все друзья медленно повернулись к Кларе, и та набрала в грудь побольше воздуха. Этот дом преследовал ее с тех самых пор, когда она впервые, более двадцати лет назад, появилась в Трех Соснах в роли молодой жены Питера. Этот дом преследовал ее и чуть не убил.

– Там произошло убийство. И похищение. И попытка убийства. И убийцы жили в этом доме.

Клара поразились, каким далеким кажется и ощущается этот список.

Жанна кивнула и повернулась к янтарным углям, умирающим в камине.

– Равновесие, – сказала она наконец. – В этом есть логика. – Она выпрямилась, словно переходя в другое настроение. – Я почувствовала это сразу, как только приехала сюда, в Три Сосны. И то же самое я чувствую здесь и сейчас.

Месье Беливо взял Мадлен за руку. Питер и Клара придвинулись друг к другу. Оливье, Габри и Мирна уселись потеснее. Клара закрыла глаза и попыталась почувствовать то зло, которое воспринимает Жанна. Но чувствовала она только...

– Умиротворение. – Жанна слабо улыбнулась. – С самого первого момента я чувствовала здесь огромную доброту. Прежде чем занять место в гостинице, я даже зашла в маленькую церквушку – кажется, она называется Святой Томас – и тихонько посидела там какое-то время. Там царят мир и удовлетворение. Это старая деревня со старой душой. Я читала мемориальные доски на стенах церкви, смотрела на витражное стекло. Эта деревня знала утрату, люди здесь

умирали до времени – при несчастных случаях, на войне, в болезнях. Все это коснулось и Трех Сосен. Но вы воспринимаете это как часть жизни и не держите горечи в сердце. Эти убийства, о которых вы говорили... вы знали этих людей?

Все закивали.

– Но эти страшные происшествия, кажется, не очень огорчили или подавили вас. Напротив, вы выглядите счастливыми и спокойными. Вы знаете почему?

Они смотрели в огонь, в свои стаканы, на пол. Как объяснить счастье? Или удовлетворенность?

– Мы оставили это в прошлом, – сказала наконец Мирна.

– Вы оставили это в прошлом, – кивнула Жанна. – Но... – Она стала очень спокойной и посмотрела прямо в глаза Мирны. Без вызова. Скорее, ее глаза умоляли, просили Мирну понять следующий вопрос. – Где она теперь?

– Где что теперь? – переспросил Габри после минутного молчания.

Мирна прошептала:

– Наша печаль. Где-то ведь она должна быть.

– Верно. – Жанна улыбнулась ей, словно особо одаренному ученику. – Мы – это энергия. Мозг, сердце – они работают под воздействием электрических импульсов. Наши тела питаются пищей, которая преобразуется в энергию. Это делают калории. Вот это, – Жанна подняла руки и похлопала себя по стройному телу, – самая удивительная фабрика, и она производит энергию. Но, кроме того, мы – эмоциональные и духовные существа, а ведь это тоже энергия. Аура, флюиды – как бы вы это ни называли. Когда вы сердитесь, – она посмотрела на Питера, – разве вы не чувствуете в себе дрожь?

– Я никогда не сержусь, – сказал он, холодно встретив ее взгляд.

Хватит с него – наелся он этого дерьма.

– Вы сердитесь сейчас, я чувствую. Мы все это чувствуем.

Она посмотрела на остальных, но все промолчали из соображений лояльности к другу. Однако они знали, что она права. Они чувствовали его гнев. Питер излучал его.

Питера выводила из себя эта шаманка и выдавало собственное тело.

– Это естественно, – сказала Жанна. – Ваше тело испытывает сильные эмоции и посылает сигналы.

– Это верно, – произнес Габри, устремив на Питера извиняющийся взгляд. – Я чувствую, что ты рассержен и что все остальные здесь испытывают неловкость. А до этого я испытывал радость. Все были расслаблены. И это очевидно. Когда заходишь к комнату, полную людей, разве не чувствуешь это сразу же? Напряжены люди или испытывают радость – это висит в воздухе.

Габри оглядел присутствующих, и все закивали, даже месье Беливо.

– У меня в магазине быстро научаешься определять, что чувствуют люди. В плохом ли они настроении, встревожены ли, не представляют ли угрозу.

– Угрозу? В Трех Соснах? – спросила Мадлен.

– Non, c'est vrai¹³, – признал бакалейщик. – Такого никогда не случилось. Но я настороже. На всякий случай. Я это чувствую, как только человек входит.

– Но это просто телесный язык и знание конкретных людей, – возразил Питер. – Это не энергия. – Он потряс пальцами у себя перед лицом и понизил голос, чтобы придать ему издевательскую нотку.

Месье Беливо хранил молчание.

– Вы не обязаны в это верить, – сказала Жанна. – Большинство людей не верит.

Она улыбнулась Питеру, и ему померещилось что-то покровительственное в ее взгляде.

¹³ Это верно (*фр.*).

– Хлеб, пущенный по воде, – неожиданно сказала она. – Когда мы избавляемся от энергии злости, то получаем вот это. Все очень просто.

Питер оглядел собравшихся. Все внимательно слушали Жанну, словно верили в эту ерунду.

– Вы говорили о равновесии, – напомнила Мирна.

– Да. Равновесие – это сама природа. Действие и противодействие. Жизнь и смерть. Все находится в равновесии. В том, что старый дом Хадли расположен рядом с Тремя Соснами, есть своя логика. Они уравновешивают друг друга.

– Что вы имеете в виду? – спросила Мадлен.

– Она хочет сказать, что старый дом Хадли – это темнота на фоне нашего света, – ответила Мирна.

– Три Сосны – счастливое место, потому что вы оставляете свои скорби в прошлом. Но далеко они не уходят. Прячутся на холме, – сказала Жанна. – В старом доме Хадли.

И внезапно Питер почувствовал это. Кожа на его руках натянулась, а волосы встали дыбом. Все, что он оставил в прошлом, имело следы когтей. И направлялось оно прямехонько в старый дом Хадли. Он был полон их страхов, их печали, их гнева.

– А почему бы нам не провести сеанс там? – спросил месье Беливо.

Все медленно повернулись и ошарашенно уставились на него, словно это камин вдруг заговорил и произнес самую невероятную вещь.

– Ну не знаю... – Габри неловко заерзал на месте.

Они инстинктивно повернулись к Кларе. Она не напрашивалась на эту роль, но как-то так получилось, что именно она стала душой сообщества. Невысокая женщина средних лет, уже начавшая полнеть, Клара являла собой редкое сочетание – была разумной и чувствительной. Она встала, взяла горсть орешков кешью, стакан с остатками виски и подошла к окну. В большинстве домов, выходящих на луг, свет уже не горел. Три Сосны погрузились в состояние покоя. Несколько мгновений Клара скользила взглядом по спящей деревне, потом уставилась на черную дыру на холме. Она постояла минуты две, прихлебывая виски, жуя орешки и размышляя.

Неужели старый дом Хадли полон их злости и печали? Не поэтому ли он привлекает убийц? И призраков?

– Я думаю, мы должны это сделать, – сказала наконец Клара и снова кинула взгляд в окно.

Пора было угомонить то зло, которым кишел этот дом.

Глава шестая

Месье Беливо открыл дверцу машины для Мадлен:

– Вы уверены, что вас не нужно подвезти?

– Нет-нет, я в порядке. Нервы уже успокаиваются, – солгала она. Сердце ее по-прежнему колотилось, и она чувствовала себя изможденной. – Вы в целости и сохранности доставили меня к моей машине. Никаких медведей нам не попало.

Он взял ее за руку. Его рука была как рисовая бумага – сухая и хрупкая, но в то же время твердая.

– Медведи вам ничего не сделают. Опасно лишь становиться между медведицей и медвежонком. Вот этого ни в коем случае нельзя делать.

– Я это запомню. «Не зли медведицу». Ну, теперь вы спокойны?

Месье Беливо рассмеялся. Мадлен понравился этот звук. Как нравился ей и сам месье Беливо. «Не поведать ли ему мою тайну?» – спросила она себя. Это было бы облегчением. Она открыла было рот, но потом снова закрыла его. В нем все еще оставалась такая печаль. Такая доброта. Она не могла забрать ее. Пока.

– Не зайдете выпить кофе? Гарантирую, что будет без кофеина.

Мадлен высвободила руку.

– Я должна ехать, но день я провела прекрасно, – сказала она и подалась вперед, чтобы поцеловать его в щеку.

– Хотя призраков и не было, – произнес месье Беливо с легким сожалением в голосе.

Он и в самом деле испытывал сожаление.

Он проводил взглядом габаритные огни ее машины, которая поднялась по Дю-Мулен, проехала мимо старого дома Хадли и исчезла из виду, потом развернулся и пошел к двери своего дома. Его походка стала немного, едва заметно, пружинистой. Что-то в нем ожило. А он был уверен, что похоронил это, когда похоронил свою жену.

Мирна подбросила несколько поленьев в плиту и закрыла чугунную дверцу. Потом она устало прошла по мансарде, шлепая тапочками по старому деревянному полу и инстинктивно двигаясь от одного коврика к другому – так пловец перемещается от острова к острову. На ходу Мирна выключала свет, и мансарда старого кирпича с балочным перекрытием постепенно погружалась в темноту, осталась только одна лампа возле большой, уютной кровати. Мирна поставила кружку с горячим шоколадом и тарелочку с шоколадным печеньем на старый сосновый столик и взяла книгу. Найо Марш. Мирна перечитывала классику. К счастью, в ее магазине старой книги классика не переводилась. Мирна была лучшим своим клиентом. Вернее, она и Клара, которая приносила большинство старых детективов. Положив к ногам грелку, Мирна натянула одеяло до подбородка и начала читать. Она прихлебывала шоколад и откусывала печенье – и вдруг поняла, что вот уже десять минут читает одну страницу.

Мысли ее витали где-то далеко – в темноте между огнями Трех Сосен и звездами.

Одиль поставила компакт-диск в проигрыватель и надела наушники.

Она ждала этого мгновения. Шесть дней ждала. Ее волнение возростало по мере приближения этой минуты. Не то чтобы она не радовалась повседневной жизни. Напротив, она поражалась тому, как ей везет. Ее все еще удивляло, что Жиль обратил на нее внимание, после того как его брак изжил себя. Одиль была увлечена им, когда они оканчивали школу. Она набралась смелости и пригласила его на белый танец, но получила отказ. Но он не был жесток. Некоторые мальчишки были жестокими, в особенности по отношению к таким девушкам, как

Одиль. Но не Жиль. Он всегда был добр. Всегда улыбался, говорил *bonjour* в коридорах, даже если это слышали его друзья.

Одиль обожала его тогда и продолжала обожать по сей день.

И при этом каждую неделю она с нетерпением ждала этой минуты. Каждый вечер в пятницу Жиль ложился рано, а она уходила в скромную гостиную в Сен-Реми.

Она слышала первые ноты первой песни, и плечи ее обмякали, напряжение спадало. Еще она чувствовала, как проходит ее настороженность, необходимость взвешивать каждое слово, каждое действие. Она закрыла глаза и сделала большой глоток красного вина так, как тонущий человек делает глоток воздуха. Бутылка была наполовину пуста, и Одиль забеспокоилась, как бы вино не кончилось до того, как случится волшебство.

Несколько минут спустя Одиль поднялась на ноги и с закрытыми глазами прошла по усыпанной цветами сцене. В Осло. Ведь это происходит в Осло, да? Впрочем, не важно.

Избранная публика – мужчины в смокингах, дамы в вечерних платьях – поднялась со своих мест. Аплодисменты. Нет. Рыдания.

Одиль остановилась посреди сцены, чтобы ответить на их бурные крики. Она приложила руку к груди, слегка поклонилась – жест величайшей скромности и достоинства.

А потом король подал ей шелковый пояс. В его глазах тоже стояли слезы.

– Мадам Монманы, я с огромным удовольствием вручаю вам Нобелевскую премию за ваши поэтические работы.

Но сегодня бешеные аплодисменты не тронули ее, не накатили на нее, не защитили от подозрения, что все видят, какое она глупое маленькое ничтожество (она-то сама все про себя знает). От подозрения, что она пытается проникнуть в мир, к которому не принадлежит и в котором не умеет себя вести.

Но Одиль знала одну вещь, не известную больше никому. Ее маленькую тайну. Все эти люди на спиритическом сеансе боялись злых привидений, тогда как она знала, что монстр обитает вовсе не в загробном мире, а в этом. И Одиль Монманы знала, кто это.

Когда Мадлен вернулась, Хейзел показалась ей какой-то рассеянной.

– Никак не могла уснуть, – сказала Хейзел, наливая обеим по чашке чая. – Видно, волнуясь перед приездом Софи.

Мадлен помешала чай и кивнула. Хейзел всегда немного нервничала в ожидании Софи. Приезд Софи неизменно нарушал спокойное течение их жизни. Не то чтобы Софи была гулякой или шумной девицей. Нет, дело было в чем-то другом. В каком-то напряжении, которое вдруг возникало в их уютном доме.

– Я отнесла обед бедной миссис Беллоус.

– Как она? – спросила Мад.

– Лучше, но спина все еще болит.

– Вообще-то, все это для нее должны были бы делать ее муж и дети.

– Но они же не делают, – сказала Хейзел.

Ее иногда удивляла эта жесткая нотка в Мадлен. Люди были ей чуть ли не безразличны.

– Ты добрая душа, Хейзел. Надеюсь, она тебя поблагодарила.

– Благодарность я получу на небесах, – сказала Хейзел, театральным жестом поднося руку ко лбу.

Мадлен рассмеялась, а с ней и Хейзел. Вот за такие качества Мадлен и любила Хейзел. Не только за ее доброту, но и за нежелание относиться к себе серьезно.

– У нас будет еще один спиритический сеанс. – Мад обмакнула печенье в чай и быстро засунула его в рот, мягкое, напитавшееся влагой. – В воскресенье вечером.

– Что, со всеми призраками зараз не удалось управиться? Договорились, что они будут являться посменно?

– Напротив, их было слишком мало. Экстрасенс сказала, что обстановка в бистро слишком радостная.

– Она не намекнула, что с голубизной?

– Это возможно. – Мад улыбнулась. Она знала, что Хейзел и Габри были хорошими друзьями и много лет вместе работали в Обществе женщин англиканского вероисповедания. – Но никаких привидений сегодня не было. Так что мы проведем еще один сеанс в старом доме Хадли.

Она посмотрела на Хейзел поверх чашки. У Хейзел расширились глаза. Мгновение спустя она заговорила:

– Ты уверена, что это разумно?

– Ты был здесь? – крикнула Клара из своей мастерской.

Питер замер – в этот момент он как раз давал Люси печенье на ночь. Люси размахивала хвостом с возрастающей частотой, ее голова чуть наклонилась, глаза вперились в это волшебное печенье, словно одним желанием можно передвигать предметы. Если бы дела обстояли таким образом, то дверца холодильника всегда стояла бы открытой.

Клара высунула голову из мастерской и посмотрела на Питера. Хотя на ее лице не было ничего, кроме удивления, он услышал обвинительную нотку. Мысли его метались, но он знал, что не может ей солгать. По крайней мере, в этом.

– Я заходил, когда ты была на спиритическом сеансе. Ты возражаешь?

– Возражаю? Да я в восторге! Тебе что-то было нужно?

Сказать, что ему понадобился желтый кадмий? Кисточка номер четыре? Линейка?

– Да. – Он подошел и обнял Клару за талию. – Мне хотелось увидеть твою работу. Извини, нужно было дождаться, когда ты вернешься, и сначала спросить разрешения.

Он ждал ее реакции. Сердце его упало. Она смотрела на него, улыбаясь.

– Ты правда хотел ее увидеть? Питер, это замечательно!

Он внутренне сжался.

– Заходи. – Она взяла его за руку и провела к полотну в центре комнаты. – Скажи мне, что ты думаешь.

Она сняла материю с мольберта – и он снова увидел ее.

Прекраснейшую из картин, какие он когда-либо видел.

Прекрасную до боли. Да. Он снова видел ее. Боль, которую он ощущал, шла снаружи. Не изнутри. Нет.

– Клара, это удивительно. – Он взял Клару за руку и заглянул в ее ясные голубые глаза. – Это лучшая твоя работа. Я горжусь тобой.

Клара открыла рот, но не произнесла ни слова. Всю свою жизнь она ждала этого: чтобы Питер проникся духом одной из ее работ. Чтобы он увидел больше того, что нарисовано на полотне. Реально почувствовал это. Она знала, что ей не следует так уж волноваться из-за этого. Она знала, что это слабость. Знала, что ее друзья-художники, включая и Питера, говорят: художник должен творить для себя и не думать о том, что скажут другие.

Она и не думала о других, только об одном человеке. Она хотела, чтобы человек, которому она отдала душу, мог увидеть мир ее глазами. Ну хотя бы раз. Один раз. И вот оно случилось. И главное, это была та самая картина, которая для нее была важнее других. Та, которую она всего через несколько дней собиралась показать самому влиятельному галеристу в Квебеке. Картина, которой она отдала сердце.

– Вот только верны ли цвета? – Питер склонился к мольберту, потом отступил, не глядя на Клару. – Нет, точно верны. Ты лучше знаешь, что делаешь.

Он поцеловал ее и прошептал ей в ухо:

– Поздравляю.

После этого он вышел.

Клара сделала шаг назад и уставилась на полотно. Питер был одним из самых уважаемых и успешных художников в Канаде. Может быть, он прав. Картина казалась ей вполне достойной, но все же...

– Что ты делаешь? – спросил Оливье у Габри, глядя на него сонными глазами.

Они стояли посреди ночи в общей комнате их гостиницы. Проснувшись, Оливье протянул руку, и оказалось, что место Габри пустое и холодное. Оливье затащил кушак шелкового халата и пошел искать своего партнера.

Габри, в мятых пижамных штанах и тапочках, держал в руке круассан, как будто собирался взять его на прогулку по комнате.

– Я избавляюсь от всех злобных привидений, которые могли пристать ко мне после спиритического сеанса.

– С помощью круассана?

– У нас нет горячих крестовых булочек, так что это наилучший выбор. Ведь полумесяц – символ ислама, верно?

Габри, с его неожиданной глубиной и его бесконечной глупостью, не переставал удивлять Оливье. Тряхнув головой, Оливье вернулся в кровать, надеясь, что к утру все злые привидения и круассаны исчезнут.

Глава седьмая

Рассвет в пасхальное воскресенье был серым, но оставалась надежда, что до охоты за яйцами дождь не начнется. Во время церковной службы родители не обращали внимания на священника – они слушали, не застучит ли дробь по крыше Святого Томаса.

В церкви пахло ландышами. На каждой скамье лежали букетики этих маленьких белых колокольчиков с зелеными листьями. Это было мило.

Пока маленькая Полетт Лего не кинула букет в Тимми Бенсона. И тут начался ад. Священник, конечно, притворялся, что ничего не замечает.

Дети носились по короткому проходу, родители либо пытались остановить их, либо делали вид, что ничего не происходит. Результат в обоих случаях был одинаковый. Священник прочел небольшой отрывок из обряда изгнания бесов. Прихожане произнесли «аминь» и бросились вон из часовни.

Ланч был организован Обществом женщин англиканского вероисповедания, которое возглавлял Габри. Вокруг деревенского луга расставили садовые столики, накрытые красными в клетку скатертями.

– Счастливой охоты! – прокричал священник и помахал на прощание рукой, когда его машина поднялась на Дю-Мулен.

Он направлялся в следующую часовню в его следующем приходе. Он был абсолютно уверен, что его маленькая служба не спасла ни одной души. С другой стороны, ни одной души она и не погубила, и уже это было хорошо.

Рут стояла на верхней ступени церковного крыльца, стараясь не уронить с тарелки сэндвичи с ветчиной на еще теплом хлебе из пекарни Сары, домашний картофельный салат с яйцами и майонезом и большой кусок сладкого пирога. К ней подошла Мирна, неся на голове обрезок доски, нагруженный книгами, цветами и шоколадом. Жители деревни гуляли по лугу или сидели за столиками; женщины были в больших вычурных пасхальных шляпках, мужчины пытались изображать из себя кого-то, кем они не являлись.

Мирна стояла рядом с Рут, с трудом держа собственное тяжеленное блюдо с едой, и вместе они наблюдали за охотой. Дети носились по деревне, издавая радостные вопли и крики, когда им удавалось найти очередное деревянное яйцо. Один из братьев маленькой Розы Трэмблей толкнул ее в пруд, и Тимми Бенсон принялся ее оттуда вытаскивать. Пока мадам Трэмблей отчитывала сына, Полетт Лего стукнула Тимми. Явный признак влюбленности, подумала Мирна, радуясь, что ей самой уже не десять лет.

– Хочешь, посидим вместе? – спросила Мирна.

– Нет, не хочешь, – отказалась Рут. – Домой надо идти.

– Как твои курочки?

Мирна не обиделась на Рут. Обижаться на Рут означало вечно быть обиженной.

– Это не курочки, а утки. Утята, я думаю.

– А где взять настоящие яйца? – прозвучал детский голос.

Роза Трэмблей остановилась перед Рут, как Синди Лу перед Гринчем¹⁴, в ее пухлых розовых ладошках лежали три изящных деревянных яичка. По какой-то причине дети Трех Сосен, словно лемминги, неизменно шли с этим вопросом прямо к Рут.

– Откуда мне знать?

– Ведь вы леди с яйцами, – сказала Роза, укрытая мокрым одеялом.

Мирна подумала, что девочка немного похожа на драгоценные утиные яйца Рут, завернутые во фланельку.

¹⁴ Имеются в виду персонажи сказки «Как Гринч украл Рождество» американского детского писателя Доктора Сьюза.

– Мои яйца дома, греются, и тебе не помешало бы. Но если уж ты настаиваешь на этой глупости, то лучше походи попроси шоколадные яички.

Рут взмахнула своей тростью, похожей на кривую волшебную палочку, и показала на Клару, которая пыталась пробраться к садовому столику на лугу.

– Но Клара не имеет никакого отношения к раздаче ребятам шоколадных яиц, – сказала Мирна, когда маленькая Роза сорвалась с места, зовя за собой других ребят, и в сторону Клары двинулось маленькое торнадо.

– Я знаю, – буркнула Рут и похромала вниз по лестнице. Внизу она повернулась и посмотрела на крупную чернокожую Мирну, засовывающую в рот сэндвич. – Ты сегодня там будешь?

– Ты про обед у Клары и Питера? Мы все там будем.

– Я не об этом говорю, и ты это знаешь. – Старая поэтесса не повернула голову в сторону старого дома Хадли, но Мирна поняла, что та имеет в виду. – Не делай этого.

– Почему? Я все время совершаю ритуалы. Помнишь, после смерти Джейн? Тогда пришли все женщины. И ты в том числе. И мы провели обряд очищения.

Мирна никогда не забудет, как они с женщинами обходили деревенский луг с дымиющимися пучками шалфея, окуривая Три Сосны, чтобы избавить деревню от страха и подозрений, одолевавших ее.

– То было другое, Мирна Ландерс.

Мирна не подозревала, что Рут известны ее фамилия и даже имя. По большей части Рут только махала руками и командовала.

– Это не ритуал. Это преднамеренная попытка ворошить зло. Это никак не связано с богом или богиней, с духами или духовностью. Это связано с мщением.

Меня повесили за то, что я жила одна,
за то, что я голубоглазая и загорелая,
за юбки драные, нехватку пуговиц,
за мою ферму, всю в сорняках,
за средство против бородавок надежное...
И да, еще за груди
и грушу сладкую, что скрыта в моем чреве.
Как только разговор о демонах заходит,
все это приговора¹⁵.

Не делай этого, Мирна Ландерс. Ты знаешь разницу между ритуалом и мстостью. Так же как и то, что обитает в этом доме.

– Ты думаешь, это связано с мстостью? – недоуменно спросила Мирна.

– Конечно связано. Оставь это. Забудьте все, что связано с этим домом.

Она ткнула палкой в том направлении. Будь это волшебная палочка, из нее наверняка вырвалась бы молния и уничтожила этот погруженный в себя дом на холме. Затем Рут повернулась и похромала к своему жилищу. К утиным яйцам в духовке. К своей жизни. А Мирна осталась с воспоминанием о пронизательных голубых глазах Рут, ее обтрепанной юбке и отсутствующих пуговицах. Она проводила взглядом старуху, шествующую в свой дом с его избытком слов и сорняков.

¹⁵ Из стихотворения Маргарет Этвуд «Полуповешенная Мэри», посвященного некой Мэри Уэбстер, жительнице Массачусетса, которую в 1680 г. обвинили в колдовстве и повесили на дереве, где она оставалась целую ночь. Однако, когда утром ее вынули из петли, она оказалась живой и прожила после этого еще 14 лет.

Дождик так и не начался, и пасхальное воскресенье промелькнуло быстро, как кролик в кустах. Большинство яиц было найдено Тимми Бенсоном, который в награду получил гигантского шоколадного зайца с множеством игрушек внутри. Полетт Лего украла зайца у Тимми, но месье Беливо убедил ее вернуть приз и извиниться. Тимми, который провидел будущее, открыл коробку, отломал шоколадные уши, а остальное отдал Полетт, и та ущипнула его.

В тот вечер Питер и Клара давали свой ежегодный пасхальный обед. Жиль и Оливия явились с французскими батонами и сыром. Мирна принесла яркий букет и поместила его в центр соснового стола в кухне. Жанна Шове, экстрасенс, принесла небольшой букетик диких цветов, собранных на лугу рядом с Тремя Соснами.

Софи Смит пришла со своей матерью Хейзел и с Мадлен. Домой она приехала днем ранее в маленькой голубой машине, битком набитой грязным бельем. Теперь она болтала с другими гостями, а Хейзел и Мадлен предлагали всем принесенные ими креветки.

– Так, значит, вы экстрасенс. – Софи взяла несколько креветок с блюда в руках матери и обмакнула их в соус.

– Меня зовут Жанна.

– Как Жанну д'Арк. – Софи рассмеялась. – Иоанна из Арка. – Это прозвучало не очень приятно. – Будьте осторожнее. Вы ведь знаете, что с ней случилось.

Высокая и стройная, Софи прекрасно держалась, хотя и немного сутулилась. Светлорусые волосы доходили ей до плеч. Вообще-то, она была довольно привлекательна. Но было в ней что-то такое, что заставило Жанну слегка отпрянуть.

Появился месье Беливо с черничными пирогами из пекарни Сары.

В кухне зажгли свечи, открыли бутылки вина.

В доме пахло бараниной, жаренной в чесноке и розмарине, молодой картошкой, луком и чем-то еще.

– Бога ради, это что, консервированный горошек?

Клара посмотрела в кастрюлю, принесенную Габри и Оливье.

– Да, этот горошек мы извлекли из консервной банки, – ответил Оливье. – А в чем проблема?

– Да ты посмотри на этот горошек: он отвратительный.

– На вашем месте, – обратился Габри к месье Беливо, который подошел к ним с бокалом вина и кусочком плавленого сыра бри на ломтике французского батона, – я бы воспринял это как личное оскорбление. Мы купили этот горошек в вашем магазине.

– Мадам, – величественно произнес бакалейщик, – это лучший консервированный горошек, какой можно купить за деньги. «Ле Съёр». Собственно говоря, я думаю, что горошек так и растет – прямо в банке. Не хочу даже упоминать о том странном гибриде, который был выведен не иначе как военно-промышленным комплексом. Горошины в стручке. Словно в это кто-то поверит. Отвратительно!

Месье Беливо говорил это так искренне, что Клара почти поверила ему, если бы не искорки в его глазах.

Вскоре на их тарелках лежали горки жареной баранины, соус с мятой и овощи. Над свежими батонами в хлебницах, расставленных по всему столу вместе с маслом и сырами, еще поднимался парок. Стол, как и гости, чуть не стонал под всеми этими вкусностями. В центре стола расположился огромный букет от Мирны, вытянувший к потолку свои руки-ветви с набухшими почками. В горшок с землей были воткнуты яблочные ветки, гибкие ивовые, форзиция с нежнейшими желтыми цветками, пионовидные тюльпаны ярко-розового цвета.

– И... – Мирна, словно маг, взмахнула салфеткой, – вуаля. – Она засунула руку в букет и вытащила шоколадное яйцо. – Хватит для всех нас.

– Возрождение, – сказала Клара.

– Но ведь сначала должна быть смерть, – возразила Софи, оглядывая всех с напускной невинностью. – Разве нет?

Она сидела между Мадлен и месье Беливо – заняла место, когда на него уже собирался усесться бакалейщик. Софи взяла шоколадное яйцо и положила перед собой.

– Рождение, смерть, возрождение, – произнесла она с умным видом, словно одарила их открытием, сделанным ею в Университете Куинс.

Клара подумала, что в Софи Смит есть что-то завораживающее. И всегда было. Софи приезжала из университета то блондинкой, то ярко-рыжей, то пухленькой, то худенькой, иногда с пирсингом, иногда без всяких украшений. Предугадать, какую Софи ты увидишь в следующий раз, было невозможно. «Но одно кажется неизменным, – подумала Клара, глядя на девушку с шоколадным яйцом. – Она всегда добивается своего. А чего она хочет? – спросила себя Клара и ответила: – Вероятно, чего-то большего, чем пасхальное яйцо».

Час спустя Питер, Рут и Оливье наблюдали, как их друзья и возлюбленные идут в ночь, невидимые, если не считать лучей их фонариков, отчего каждый из них напоминал подпрыгивающий факел. Поначалу они двигались кучно, но на глазах у Питера маленькие пятнышки света разделились, растянулись вереницей, каждый сам по себе направляясь к темному дому на холме, который ждал их.

«Не будь ты такой тряпкой, – сказал он себе. – Это всего лишь дом, черт его побери. Что там может произойти?»

Но Питер Морроу умел распознать пресловутое последнее слово, когда слышал его.

Клара не чувствовала ничего подобного с детства, когда пугала себя до полного отупения, просматривая фильм «Изгоняющий дьявола» или отправляясь на громадные «американские горки» в Ла-Ронд. Она там пускала слюни, визжала, а один раз даже описалась.

Это бодрило, вгоняло в ужас и мистифицировало одновременно. По мере того как дом становился ближе, у Клары возникало странное чувство: ей казалось, что дом приближается к ним, а не наоборот. Она не могла толком вспомнить, для чего они делают это.

У нее за спиной раздавались звук шагов и голоса. К счастью, она знала, что следом за ней плетутся Мадлен и Одиль. Клара с радостью вспомнила, что в фильмах ужасов первым в когти монстра всегда попадает тот, кто идет последним. Но если с Мадлен и Одиль будет покончено, тогда последней станет она. Клара прибавила шагу. Потом замедлила его, разрываясь между двумя чувствами: желанием выжить и желанием услышать, о чем говорят эти две женщины. После того, что она подслушала, когда прятала пасхальные яйца, ей казалось, что Одиль не симпатизирует Мад. Так о чем же они могут говорить?

– Но это несправедливо, – сказала Одиль.

Мадлен ответила что-то, но Клара не разобрала что, а если бы она еще замедлила шаг, то луч фонарика Мадлен осветил бы то место на ее теле, куда фонариком обычно не светят.

– Мне потребовалось немало мужества, чтобы сделать это, – произнесла Одиль немного громче.

– Да бога ради, Одиль, не будьте смешной, – сказала Мадлен отчетливо и без малейшего сочувствия в голосе.

Прежде Клара не знала Мадлен с этой стороны.

Она так сосредоточилась на подслушивании, что налетела на кого-то. Это оказался Жиль. Клара подняла глаза.

Они пришли.

Глава восьмая

В темноте и холоде они шли тесной группкой. Лучи фонариков скакали по старому дому. Объявление «Продается» упало и воткнулось в мягкую землю, как надгробие. Клара повела лучом фонарика и увидела новые следы разрушения. Она знала, что дом заброшен, но и предположить не могла, что дома, оставленные людьми, разрушаются так быстро. Несколько ставен висели на одной петле и чуть постукивали на ветру о кирпичную стену. Часть окон была разбита, и стекло торчало рваными острыми зубцами. Клара увидела что-то белое, свернувшееся у фундамента дома, и сердце у нее екнуло. Что-то мертвое и освежаванное.

Она неохотно двинулась по дорожке к главному входу, ступая по неровным, вздыбившимся плиткам. Подойдя ближе, она остановилась и оглянулась. Остальные все еще толклись у обочины.

– Идите сюда, – прошипела Клара.

– Это ты нам? – спросила Мирна.

Она тоже смотрела на белое пятно, свернувшееся у дома.

– Тут никого нет, только мы, цыплята, – сказал Габри.

– Что это там?

Мирна короткими шажками двинулась по дорожке и наконец остановилась рядом с подругой. Она показала на белое пятно пальцем и увидела, что он дрожит. Может быть, это ее тело посылает сигнал? Азбука Морзе? Если так, то Мирна знала, что за послание она получает: «Беги!»

Клара снова повернулась к дому, глубоко вздохнула, благословила свою пищу и сошла с дорожки. Земля под ногами была влажной и хлюпала с каждым шагом. Мирна не поняла, что делает Клара, и ей захотелось подбежать к подруге, ухватить ее сзади, остановить, обнять и сказать, чтобы никогда больше так не делала. Но она просто стояла и смотрела.

Клара подошла к дому и нагнулась. Потом выпрямилась и более резвым шагом двинулась к относительной безопасности дорожки и к Мирне.

– Ты не поверишь, но это снег.

– Не может быть! Весь снег давно стаял.

– Но не здесь.

Клара засунула руку в карман и вытащила громадный старомодный ключ, длинный, толстый и тяжелый.

– И все это время я думала, что ты просто рада меня видеть, – сказала Мирна.

– Ха-ха. – Клара улыбнулась и мысленно поблагодарила Мирну за то, что на этой темной дорожке она не утратила чувства юмора. – Агент по продаже недвижимости была счастлива вручить мне ключ. Кажется, уже несколько месяцев не находилось ни одного желающего посмотреть дом.

– Что ты ей сказала? – спросила Мадлен.

Поскольку Клара и Мирна все еще были живы, остальные решили к ним присоединиться.

– Что мы вызовем всех демонов и изгоним из дома.

– И она дала тебе ключ?

– Практически кинула им в меня.

Клара вставила ключ в скважину, но дверь просто распахнулась. Она отпустила ключ и увидела, как он вместе с ручкой исчез в темноте.

– Зачем мы делаем это снова? – прошептал месье Беливо.

– Чтобы развлечься, – ответила Софи.

– Не все из нас так думают, – возразила Жанна.

И, обойдя их, эта хрупкая серая женщина шагнула внутрь дома.

Один за другим вошли они в старый дом Хадли. Внутри пахло плесенью и было холоднее, чем снаружи. Электричество было давно отключено, и теперь только лучи фонариков плясали по отслаивающимся обоям с рисунком в цветочек и влажными пятнами – оставалось лишь надеяться, что это вода. Свет фонариков придавал вошедшим храбрости, словно в руках у них были мечи, и они двинулись вглубь дома. Пол скрипел под их ногами, а где-то слышался трепет крыльев.

– Бедняжка. Это птичка, – сказал Габри. – Не может отсюда выбраться.

– Нужно ее найти, – откликнулась Мадлен.

– Ты с ума сошла? – прошептала Одиль.

– Ничего она не сошла, – сказала Жанна. – Вполне может оказаться, что это потерявшаяся душа. Мы не можем делать вид, что не замечаем ее.

– А если это не птица? – прошептал Габри на ухо Хейзел, которая все еще не могла поверить, что она находится в этом доме.

Они держались вместе, напоминая гигантское насекомое. Многоногое и испуганное, оно двигалось по сырому дому, время от времени останавливаясь, чтобы сориентироваться.

– Оно наверху, – тихо произнесла Жанна.

– Так и должно быть, – подхватил Жиль. – Они никогда не пользуются дверями. Никогда не встречаются летом среди розовых кустов и не живут в автомобилях, перевозящих мороженое.

– Это похоже на игру, в которую мы играем с Питером, – сказала Клара Мирне.

Но та не слушала ее. У нее в голове была только одна мысль: не окажется ли она последней, когда нужно будет спасаться бегством. «Вот бы Хейзел была последней, – подумала Мирна с надеждой, – и тогда демоны набросятся на нее. Но Хейзел, вероятно, резко увеличит скорость ради спасения дочери». Будучи психологом, Мирна знала, что физические ресурсы матерей практически неисчерпаемы, если речь идет о спасении их чад.

«Этот чертов материнский инстинкт, – подумала Мирна. – Он ставит под угрозу мою жизнь». Она шагнула на лестницу, устланную ковровой дорожкой, потертой и траченной молью. Делая осторожные шаги и боязливо останавливаясь на каждой ступени, она слышала, как отчаянное биение крыльев становится все громче.

– Когда мы с Питером смотрим всякие ужастики, в которых люди заходят в дом с привидениями... – услышала Мирна голос Клары.

«Давай-давай, говори-говори, – подумала Мирна. – Тебя-то демоны и ухватят в первую очередь».

– ...мы играем в «Когда же ты уйдешь?». Повсюду отрубленные головы, крики боли, расчлененные друзья, и все же эти люди остаются в доме.

– Ты закончила?

– Вообще-то, да. – Клара умудрилась напугаться еще больше, и ей стало любопытно: если бы это было кино, кричал бы Питер ей в экран, чтобы она уходила?

– Это там.

– Где же еще? – пробормотал Жиль.

Жанна остановилась перед закрытой дверью. Единственная закрытая дверь на всем этаже. Теперь за ней воцарилась тишина.

Внезапно крылья снова бешено забились о дверь, словно это существо бросилось на нее.

Жанна протянула было руку, но месье Беливо схватил ее за запястье и не позволил открыть дверь. Он встал между Жанной и дверью и сам взялся за ручку.

А потом открыл дверь.

Они ничего не увидели. Как они ни вглядывались, их глаза не могли приспособиться к темноте. Но что-то внутри комнаты нашло их. Это существо – не птица – на мгновение угомнилось. Что это было? Комната генерировала волны холода, в которых ощущался слабый запах духов.

В комнате пахло цветами. Свежими весенними цветами.

Клару одолела грусть, печаль, из глубины комнаты проникшая в самое нутро женщины. Она ощущала скорбь этой комнаты. Ее неизбывную тоску.

Обнаружив, что некоторое время задерживала дыхание, Клара набрала в грудь воздуха.

– Идем, – прошептала Жанна, и Кларе показалось, что ее голос доносится откуда-то из иного мира. – Сделаем то, ради чего пришли.

Все смотрели, как Жанна первой шагнула в темноту. За ней последовала Клара. А потом и остальные потянулись за ними, и лучи их фонариков высветили часть комнаты. На окнах вкривь и вкось висели тяжелые бархатные занавеси. У стены стояла кровать на четырех столбиках, все еще под светлыми покрывалами и кружевами. На подушке была вмятина, словно там покоилась чья-то голова.

– Я знаю эту комнату, – сказала Мирна. – И вы тоже, – добавила она, обращаясь к Кларе и Габри.

– Спальня покойной Тиммер Хадли, – проговорила Клара, удивленная тем, что не сразу узнала эту комнату.

Но такова уж была сила страха. Клара много раз бывала в этой комнате – ухаживала за умирающей старушкой.

Она ненавидела Тиммер Хадли. Ненавидела этот дом. Ненавидела змей, шуршащих в подвале. И не так давно этот дом чуть не убил ее.

На Клару накатила волна отвращения. Ее охватило желание поджечь этот проклятый дом. Этот дом приютил все их печали, весь гнев, страх, но не потому, что был бескорыстен. Нет. Старый дом Хадли сначала породил все эти эмоции, распространил вокруг себя печаль и ужас, и его детища просто возвращались домой, как сыновья и дочери на Пасху.

– Уйдем отсюда, – сказала Клара, поворачиваясь к двери.

– Мы не можем, – возразила Жанна.

– Почему? – спросил месье Беливо. – Я поддерживаю Клару. Это дурное место.

– Постойте, – сказал Жиль. Этот крупный человек остановился в центре комнаты, закрыл глаза и запрокинул голову, так что его кустистая борода указала на стену. – Это всего лишь дом, – произнес он наконец спокойным, но настойчивым голосом. – Ему нужна наша помощь.

– Но это лишено смысла, – сказала Хейзел, пытаясь взять Софи за руку, хотя та и отталкивала ее. – Это просто дом или ему необходима наша помощь? Возможно либо одно, либо другое, но не то и другое одновременно. Мой дом никогда не просит о помощи.

– Наверное, вы его не слушаете, – предположил Жиль.

– Я хочу остаться, – сказала Софи. – А ты, Мадлен?

– Мы можем сесть?

– Можете лечь, если хотите, – сказал Габри, показав лучом фонарика на кровать.

– Нет, спасибо, *mon beau Gabri*¹⁶. Мне пока еще рано.

Мадлен улыбнулась – и напряжение спало. Собравшиеся без дальнейших разговоров приступили к действию. В спальню принесли стулья и поставили их кружком.

Жанна положила принесенную сумку на стул и начала что-то доставать из нее. Клара и Мирна тем временем стали обследовать комнату. Они осмотрели камин с темной каминной полкой и строгим викторианским портретом над ней. Книжный шкаф был набит томами в

¹⁶ Мой прекрасный Габри (*фр.*).

кожаных переплетах из тех времен, когда люди еще читали их, а не просто покупали в несметных количествах у декораторов.

– Интересно, куда девалась птица, – пробормотала Клара, протягивая руку к вещам, стоящим на туалетном столике.

– Прячется от нас, бедняжка. Забилась куда-нибудь в страхе, – сказала Мирна, шаря лучом фонарика в темном углу.

Птицы там не было.

– Это похоже на музей. – Подошедший к ним Габри взял со столика серебряное зеркало.

– Это похоже на мавзолей, – сказала Хейзел.

Повернувшись, они удивились: в комнате горели свечи. Повсюду в спальне было расставлено около двадцати горящих свечей, но их свет, такой теплый и гостеприимный в доме Клары и Питера, в этой комнате словно был издевкой над самим собой. Темнота казалась еще более темной, а мерцающее пламя отбрасывало нелепые тени на темные обои. Кларе захотелось задуть все свечи и уничтожить тех демонов, которые возникали в их тенях. Даже ее собственная тень, такая знакомая, стала искаженной и страшноватой.

Усевшись в кружок спиной к открытой двери, Клара обратила внимание, что четыре свечи остались незажженными. После того как все заняли места, Жанна достала маленький пакетик и обошла вокруг сидящих, разбрасывая что-то.

– Теперь это священный круг, – произнесла она; ее лицо то погружалось в тень, то освещалось, запавшие глаза казались пустыми черными глазницами. – Эта соль благословит наш круг и обеспечит безопасность всех, кто внутри.

Клара почувствовала, что Мирна схватила ее за руку. Единственным звуком в комнате был легкий шелест – это Жанна разбрасывала соль, очерчивая круг. У Клары стоял звон в ушах – так настороженно она прислушивалась. Мысль о птице, которая с криком вылетает из тьмы с вытянутыми когтями и раскрытым клювом, до смерти пугала ее. Даже волосы на затылке слегка приподнялись.

Жанна чиркнула спичкой, и у Клары чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

– В наш священный круг приглашается мудрость четырех углов земли, чтобы защищать и наставлять нас, чтобы наблюдать сегодня за нашей работой по очистке этого дома от духов, которые удушают его. От зла, которое обосновалось здесь. От всех грехов, страха, ужаса, ненависти, прилепившихся к этому дому. К этой комнате.

– Мы уже развлекаемся? – шепотом спросил Габри.

Жанна одну за другой зажгла последние свечи и вернулась на свое место, сосредотачиваясь. Она была единственной, кому это удалось. Клара чувствовала, как колотится ее сердце, как учащается дыхание, становится неровным, рваным. Рядом с ней ерзала Мирна, словно по ней ползали муравьи. Взгляд у всех людей в кругу был застывший, лица – бледные. Может, их кружок и священный, подумала Клара, но уж точно освященный страхом. Она огляделась и спросила себя: если это кино и они с Питером смотрят его, устроившись на диване, то кто из этих людей станет первым?

Месье Беливо, трусливый, тощий, скорбящий?

Жиль Сандон, крупный и сильный, который чувствует себя гораздо комфортнее в лесу, чем в викторианском особняке?

Хейзел, такая добрая и щедрая? Или, наоборот, слабая? А может, ее дочка, ненасытная Софи?

Нет. Взгляд Клары остановился на Одиль. Вот кто падет первой жертвой. Бедная милая Одиль. Она уже потеряна, как это ни прискорбно. Самая беззащитная. Самая незаметная – на ее отсутствие и внимания-то никто не обратит. Она генетически предназначена для того, чтобы быть съеденной первой. Жестокость собственных мыслей претила Кларе. В этой жестокости она обвиняла атмосферу дома. Дома, который не впускал добро и привечал все остальное.

– А теперь мы будем вызывать мертвых, – сказала Жанна.

И Клара, которой казалось, что испугаться сильнее уже невозможно, все же испугалась.

– Мы знаем, что вы здесь. – Голос Жанны стал громче и зазвучал как-то странно. – Они идут. Поднимаются из подвала, спускаются с чердака. Они вокруг нас. Они приближаются по коридору.

Клара и в самом деле услышала шаги. Кто-то шаркал, прихрамывал по ковровой дорожке в коридоре. Ей представилась мумия с распростертыми руками, в грязных бинтах, в пролежнях, волочащая ноги по темному коридору, преданному проклятию. Ну почему они оставили дверь открытой?

– Явись! – прорычала Жанна. – Немедленно! – Она хлопнула в ладоши.

В комнате, в их священном круге, раздался визг. И еще один.

Потом удар.

Мертвец прибыл.

Глава девятая

Старший инспектор Арман Гамаш выглянул из-за газеты, которую держал в руках, и бросил взгляд на свою маленькую внучку. Она сидела на илистом берегу Бивер-Лейк и засовывала в рот грязный большой палец ноги. Ее лицо было покрыто илом, или шоколадом, или еще чем-то, о чем даже думать не хотелось.

Стоял пасхальный понедельник, и весь Монреаль был одержим одной идеей. Утренняя прогулка по горе Мон-Руаяль с остановкой на озере Бивер-Лейк у вершины. Гамаш и Рейн-Мари блаженствовали на солнышке, сидя на скамейках и наблюдая, как семейство их сына наслаждается последним днем в Монреале перед отлетом в Париж.

Малютка Флоранс залилась смехом и плюхнулась в воду.

Гамаш бросил газету и начал вставать, но его удержала рука жены.

– Там с ней Даниель, *mon cher*¹⁷. Теперь это его обязанность.

Арман, все еще готовый действовать, сел, не спуская глаз с внучки. Его немецкая овчарка Анри поднялась на ноги и насторожилась, почувствовав внезапную перемену настроения хозяйки. Но, как и ожидалось, Даниель рассмеялся, сграбастал свою крохотную мокрую дочурку большими, надежными руками и прижался лицом к ее животу, отчего она захихикала и обняла папу за голову. Гамаш выдохнул и, повернувшись к Рейн-Мари, поцеловал ее и прошептал в корону ее седых волос:

– Спасибо.

Потом он погладил Анри по боку и чмокнул в голову:

– Хороший мальчик.

Анри, более не в силах сдерживаться, подпрыгнул, и его ноги оказались почти на уровне плеча Гамаша.

– Фу! – скомандовал Гамаш. – Нельзя!

Анри немедленно перестал прыгать.

– Лежать!

Анри покаянно лег. Сомнений, кто здесь альфа-дог, не возникало.

– Хороший мальчик, – повторил Гамаш и дал Анри собачье лакомство.

– Хороший мальчик, – сказала Рейн-Мари Гамашу.

– А где мое лакомство?

– Что, прямо в парке, *monsieur l'inspecteur*?¹⁸ – Она посмотрела на другие семейства, неторопливо прогуливающиеся по Мон-Руаялю, великолепному парку на горе в самом центре Монреаля. – Хотя, вероятно, это будет уже не первое твое лакомство.

– Для меня – первое. – Гамаш улыбнулся и слегка покраснел, радуясь тому, что этот разговор не слышат Даниель и его семья.

– Ты очень мил в роли мачо, – сказала Рейн-Мари и поцеловала его.

Гамаш услышал шуршание и увидел, как книжное обозрение его газеты, подхваченное порывом ветра, пустилось в полет – листы один за другим устремлялись в воздух. Он вскочил и стал бросаться во все стороны, пытаясь наступить ногой на улетающие страницы. Флоранс, завернутая в одеяло, показывала на него пальцем и смеялась. Даниель поставил ее на землю, и она принялась подражать движениям деда. Тогда Гамаш начал делать карикатурно преувеличенные жесты, и вскоре Даниель, его жена Розлин и маленькая Флоранс стали повторять за ним и ловить воображаемые страницы газеты, пока Гамаш продолжал ловить настоящие.

¹⁷ Дорогой (*фр.*).

¹⁸ Господин инспектор (*фр.*).

– Хорошо, что любовь слепа, – рассмеялась Рейн-Мари, когда Гамаш вернулся на скамейку.

– И не очень умна, – согласился Гамаш, сжимая ее руки. – Тебе тепло? Кофе с молоком хочешь?

– А знаешь, хочу. – Его жена оторвалась от своей газеты, «Ла пресс».

– Папа, давай-ка я помогу.

Даниель передал Флоранс своей жене Розлин, и двое мужчин направились к павильону среди деревьев неподалеку от озера. По узким дорожкам шлепали бегуны трусцой, на верхних тропах тут и там появлялись и исчезали любители езды на лошадях. Стоял великолепный весенний день, по-настоящему теплый под лучами молодого солнца.

Рейн-Мари проводила их взглядом и подумала, что они как две горошины в стручке. Такие похожие. Высокие, мощные, как дубы. Каштановые волосы Даниеля только-только начали редеть, а у Армана уже просвечивает лысина, да и аккуратно подстриженные волосы вокруг нее стали сесть. В свои пятьдесят пять Арман Гамаш держался легко, как и его сын, который выглядел на свои тридцать с хвостиком.

– Вы очень скучаете по нему?

Розлин села рядом со свекровью и взглянула в ее приветливое, в морщинках лицо. Она любила Рейн-Мари, любила с самого первого обеда, который будущая свекровь приготовила для нее. Начав встречаться с Розлин, Даниель представил ее своей семье. Она была ошеломлена. Не только потому, что уже тогда знала, как любит его, но и при мысли о том, что увидит знаменитого старшего инспектора Армана Гамаша. То, как он уверенно и спокойно раскрывал самые серьезные дела, проходившие по его отделу, сделало его настоящей легендой Квебека. Она воспитывалась, постоянно видя перед собой лицо Гамаша во время завтрака: ее отец читал в газете о подвигах старшего инспектора. С годами Гамаш на этих фотографиях старел, волосы его редели и седели, лицо несколько полнело. Появились аккуратные усы и морщины, не соответствующие складкам на газетном листе.

Но вот ей предстояло встретиться с этим человеком живьем.

«Bienvenue¹⁹. – Он улыбнулся ей и слегка поклонился, открыв дверь их квартиры в Утремоне. – Я отец Даниеля. Входите». На нем были серые брюки, удобный кашемировый кардиган, рубашка и галстук для воскресного ланча. От него пахло сандаловым деревом, рука у него была теплая и надежная – все равно что сесть в привычное кресло. Розлин знала эту руку. Такая же была и у Даниеля.

С тех пор прошло уже пять лет, и за это время много чего произошло. Они поженились, родилась Флоранс. В один прекрасный день Даниель пришел домой, подпрыгивая от радости, и сообщил новость: некая управляющая компания предложила ему работу в Париже. Контракт на два года. Но что на это скажет Розлин?

Ей и думать не нужно было. Два года в Париже? Теперь один год уже прошел, и им жизнь в Париже нравилась. Но они скучали по семье и понимали, как мучительно для обоих дедушек и бабушек целовать на прощание маленькую Флоранс в аэропорту. Они не видели ее первых шагов, не слышали первых слов, не присутствовали, когда у Флоранс начали резаться зубки; ее меняющаяся мордашка и изменчивые настроения – все это проходило мимо них. Розлин предполагала, что тяжелее всего будет ее матери, но теперь она была уверена, что больше всех переживает папа Арман. У нее разрывалось сердце, когда она шла по стеклянному коридору к самолету и видела ладони Армана, прижатые к окну зала ожидания.

Но он ничего не говорил. Он был рад за них и не скрывал этого. И не удерживал.

– Нам всех вас не хватает, – с улыбкой сказала Рейн-Мари, взяв невестку за руку.

¹⁹ Добрый вечер (фр.).

А теперь они ждали еще одного ребенка. Они сообщили об этом родителям Даниеля и Розлин за обедом в Страстную пятницу, и это известие было встречено радостными возгласами. Ее отец достал бутылку шампанского, а Арман понесся в магазин, чтобы купить безалкогольного сидра, и потом они выпили за удачу.

В ожидании, когда принесут их заказ, Арман дотронулся до руки сына и отвел его немного в сторону. Он извлек из кармана конверт и передал его Даниелю.

– Папа, мне не нужны деньги, – прошептал Даниель.

– Прошу тебя, возьми.

Даниель сунул конверт в карман своего пиджака:

– Спасибо.

Сын обнял отца – словно соединились мегалиты с острова Пасхи.

Но Гамаш отвел сына недостаточно далеко. Кое-кто наблюдал за ними.

Розлин и Флоранс подошли к какой-то другой молодой семье, и Даниель направился к ним, а Гамаш сел на скамью, отдал жене кофе и снова взялся за свою газету. Рейн-Мари была полностью поглощена первой страницей «Ла пресс» и не прореагировала на его появление. Такое случалось редко, но он знал, что их обоих часто увлекает чтение. Анри спал на солнышке у ног Гамаша, который попивал кофе и поглядывал на прохожих.

День был исключительный.

Через несколько минут Рейн-Мари опустила газету. На лице ее появилось обеспокоенное выражение. Чуть ли не испуганное.

– Ты читал эту газету?

– Нет, только книжное обозрение. А что?

– Можно ли испугаться до смерти?

– Ты это о чем?

– О том, что кто-то все же испугался. До смерти.

– Mais, c'est horrible²⁰.

– В Трех Соснах. – Рейн-Мари пристально посмотрела на него. – В старом доме Хадли. Арман Гамаш побледнел.

²⁰ Но это ужасно (фр.).

Глава десятая

– Входи, Арман. Joyeuses Pâques²¹. – Суперинтендант Бребёф пожал Гамашу руку и закрыл дверь.

– Et vous, mon ami²². – Гамаш улыбнулся. – Счастливой Пасхи.

Первое удивление от новости, которую обрушила на него Рейн-Мари, прошло. Гамаш прочел газетное сообщение, а когда закончил, позвонил его сотовый. Голос в трубке принадлежал его другу и начальнику в Квебекской полиции, Мишелю Бребёфу.

– Тут появилась одна новость, – сказал Бребёф. – Я знаю, у тебя сейчас Даниель с семьей, – извини. Можешь уделить этому немного времени?

Гамаш знал, что его босс проявляет деликатность – просит, а не приказывает. Но ведь они выросли вместе, всегда были лучшими друзьями и вместе поступили в Квебекскую полицию. Они даже оба претендовали на звание суперинтенданта. Получил его Бребёф. Но это никак не повлияло на их дружбу.

– Сегодня вечером они улетают в Париж, так что можешь не волноваться. Мы рады были их повидать, хотя сколько бы они ни пробыли – всегда мало. Я скоро приеду.

Он попрощался с сыном, невесткой и Флоранс.

– Я позвоню попозже, – пообещал он Рейн-Мари, поцеловав ее.

Она помахала ему и проследила за ним взглядом, когда он целеустремленно направился на парковку в сосновой роще. Она смотрела, пока он не скрылся из виду. Смотрела и после.

– Ты читал газеты? – спросил Бребёф, садясь во вращающееся кресло за его столом.

– Не столько читал, сколько просматривал. – Гамаш вспомнил, как пытался читать газету с большим отпечатком собственного ботинка. – Ты, случайно, не о Трех Соснах говоришь?

– Значит, газеты ты все же читал.

– Рейн-Мари показала мне эту заметку. Но там сказано, что смерть не насильственная. Страшная, но естественная. Она действительно испугалась до смерти?

– Так сказали врачи из больницы в Кауансвилле. Инфаркт. Но...

– Да, я слушаю.

– Ты должен сам посмотреть, но говорят, что вид у нее был такой... – Бребёф помолчал, чуть ли не смущаясь тех слов, которые собирался произнести, – словно она что-то увидела.

– В газете сказано, что она присутствовала на спиритическом сеансе в старом доме Хадли.

– На спиритическом сеансе! – фыркнул Бребёф. – Глупости! Понятно, когда такими вещами занимаются дети, но взрослые? Не понимаю, зачем люди тратят время на подобную ерунду.

Гамаш спросил себя, почему суперинтендант вышел на работу в выходной. Он не помнил случая, чтобы Бребёф начинал говорить о деле, пока оно еще не открыто.

С чего такое исключение?

– Врачи только сегодня утром догадались сделать ей анализ крови. Вот что мы имеем.

Бребёф протянул Гамашу листок бумаги, и тот надел свои полукруглые очки. За свою жизнь он видел сотни таких листков с результатами анализа и точно знал, что ему нужно искать. Токсикологические данные.

Минуту спустя он опустил бумагу и посмотрел на Бребёфа поверх очков:

– Эфедра.

– C'est ça²³.

²¹ Поздравляю с Пасхой (фр.).

²² И тебя, мой друг (фр.).

²³ Именно так (фр.).

– Но это еще не означает, что она была убита, – сказал Гамаш, словно рассуждая с самим собой. – Ведь люди и сами принимают эфедру?

– Это вещество запрещено к использованию, – возразил Бребёф.

– Да, верно, – рассеянно произнес Гамаш. Он снова принялся изучать результаты анализа. Несколько секунд спустя заговорил: – Это интересно. Послушай-ка: «Рост жертвы составляет пять футов семь дюймов, вес – сто тридцать четыре и семь десятых фунта». Не скажешь, что ей требовались диетологические таблетки.

Он снял очки и сложил их.

– Большинство людей тоже так думают, – заметил Бребёф. – И мысли другой не допускают.

– Любопытно, сколько она весила несколько месяцев назад, – сказал Гамаш. – Может быть, так она и опустилась до ста тридцати пяти фунтов. – Гамаш постучал очками по бумажке. – С помощью эфедры.

– Может быть, – согласился Бребёф. – Твоя задача – выяснить это.

– Убийство или несчастный случай?

Гамаш снова взглянул на листок, размышляя, что еще можно из него извлечь. Но старший инспектор знал, что в бумагах редко содержатся ответы на вопросы. Убийство ли это? Кто убийца? Почему убийца так ненавидел или боялся эту женщину, что решился забрать ее жизнь? Почему? Почему? Всегда сначала «почему», а потом уже «кто».

Нет, ответы крылись не в книге и не в экспертизе, а в плоти и крови. А зачастую – даже не в плотских вещах, а в том, что нельзя подержать, пощупать, к чему нельзя прикоснуться. Ответы на эти вопросы лежали в туманном прошлом и в скрытых там чувствах.

Бумага в руке Гамаша содержала факты, а не истины. За истинами ему придется отправиться в Три Сосны. За истинами ему придется снова вернуться в старый дом Хадли.

– Кого ты возьмешь в команду?

Этот вопрос вернул Гамаша в кабинет его друга. Бребёф старался говорить непринужденным тоном, но скрыть необычность этого вопроса было невозможно. Никогда прежде не спрашивал он Армана Гамаша, подчиненного ему главу отдела по расследованию убийств, о процедуре и уж точно никогда о таких приземленных вещах, как состав команды.

– Почему ты спрашиваешь?

Бребёф взял ручку и постучал ею по кипе бумаг, ждущих его:

– Ты прекрасно знаешь, почему я спрашиваю. Именно ты обратил мое внимание на то, как она себя ведет. Ты собираешься привлечь Иветт Николь к расследованию этого дела?

Вот оно. Тот самый вопрос, который не давал покоя Гамашу по пути от горы Мон-Руаяль. Оставить ли агента Николь в команде? Пришло ли время? Он просидел какое-то время в своем «вольво» на пустой парковке Квебекской полиции, пытаясь решить это. И все же он опасался, что его друг задаст этот вопрос.

– И что ты посоветуешь?

– Ты уже принял решение или есть шанс, что мои слова могут на тебя повлиять?

Гамаш рассмеялся. Они слишком хорошо знали друг друга.

– Я тебе скажу, Мишель. Я уже почти что решил. Но ты же знаешь, как я ценю твое мнение.

– *Vous*²⁴, так что ты предпочтешь сейчас? Мое мнение или сладкую булочку?

– Сладкую булочку, – признал Гамаш, улыбнувшись. – Как и ты.

– *C'est la vérité*²⁵. Послушай... – Бребёф встал и подошел к другой стороне стола, сел на него и, наклонившись, заглянул в глаза старшему инспектору. – Взять ее в команду, ну,

²⁴ Ну хорошо (*фр.*).

²⁵ Это верно (*фр.*).

c'est fou²⁶. Сумасшествие. Я тебя знаю. Ты ее хочешь спасти, реабилитировать. Сделать из нее хорошего и лояльного агента. Я прав, да?

Мишель Бребёф больше не улыбался.

Гамаш открыл рот, собираясь ответить, но передумал. Вместо этого он позволил своему другу выпустить пар. Что тот и сделал:

– В один не самый прекрасный день твое самомнение тебя погубит. Вот о чем идет речь, и ты это знаешь. Ты делаешь вид, что это бескорыстный поступок, изображаешь из себя великого учителя, мудрого и терпеливого Армана Гамаша, но мы оба знаем, что это самомнение. Гордыня. Будь осторожен, мой друг. Она опасна. Ты сам это говорил.

Гамаш почувствовал, как в нем закипает раздражение, и ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Чтобы не ответить гневом на гнев. Он знал, что Мишель Бребёф говорит это потому, что он суперинтендант, но еще и потому, что они друзья.

– Дело Арно пора закрыть, – твердо сказал Гамаш.

Вот. Наконец-то он сказал об этом вслух.

Чертов Арно гнил в тюрьме, но продолжал преследовать его.

– Я тоже так думаю, – сказал Бребёф, возвращаясь в свое кресло за столом.

– Почему ты здесь, Мишель?

– Где? В моем собственном кабинете?

Гамаш молча смотрел на своего друга. Наконец Бребёф подался вперед, уперев локти в широкий стол, словно собирался проползти по нему и обвить его вокруг головы Гамаша.

– Я знаю, что случилось с тобой однажды в старом доме Хадли. Ты чуть не погиб...

– Ну, ситуация была не такой уж критической.

– Не лги мне, Арман, – остерег его Бребёф. – Я хотел лично сказать тебе об этом деле и увидеть твою реакцию.

Гамаш, глубоко тронутый, ничего не ответил.

– Есть что-то такое в том доме, – признал он несколько секунд спустя. – Ты ведь там никогда не был?

Бребёф отрицательно покачал головой.

– Что-то в нем такое... Что-то наподобие голода, некая потребность, которую необходимо удовлетворить. Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедший.

– Я думаю, что в тебе тоже есть некая потребность, не менее разрушительная, – сказал Бребёф. – Это твоя потребность помогать людям. Людям вроде агента Николь.

– Я не хочу ей помогать. Я хочу вывести на чистую воду ее и ее хозяев. Уверен, что она работает на группу, которая поддерживает Арно. Я тебе уже говорил об этом.

– Так уволь ее, – раздраженно проговорил Бребёф. – Твоя просьба – вот единственное, что удерживает меня от этого. Считай это моим личным одолжением. Послушай меня: дело Арно никогда не закончится. Оно слишком сильно затрагивает систему. В той или иной мере оно касается всех полицейских Квебека. Большинство поддерживает тебя – ты это знаешь. Но те, кто тебя не поддерживает... – Бребёф поднял руки в красноречивом жесте, означающем поражение, – они влиятельны, а Николь – их глаза и уши. Пока она рядом с тобой, тебе грозит опасность. Они хотят тебя уничтожить.

– Это улица с двусторонним движением, Мишель, – устало сказал Гамаш. Разговор о бывшем суперинтенданте Арно всегда стоил ему немалых душевных сил. Он считал, что это дело уже закрыто. Давно мертво и похоронено. Но вот оно вернулось. Восстало из гроба. – Пока она рядом, я могу за ней наблюдать, контролировать, что она видит и делает.

Бребёф покачал головой:

– Глупый ты человек.

²⁶ Это безумие (фр.).

– Высокомерный, упрямый, самоуверенный, – согласился Гамаш и направился к двери.
– Можешь забирать свою Николь, – сказал Бребёф, повернувшись спиной к Гамашу и глядя в окно.

– Merci²⁷.

Гамаш закрыл дверь и направился в свой кабинет – ему нужно было сделать несколько звонков.

Оставшись один, суперинтендант Бребёф снял телефонную трубку и тоже позвонил:

– Говорит суперинтендант Бребёф. Тебе сейчас позвонят из кабинета старшего инспектора Гамаша. Нет, он ничего не подозревает. Он считает, что проблема в Николь.

Бребёф несколько раз глубоко вздохнул. Он дошел до такого состояния, когда при одном только виде Армана Гамаша у него появлялся рвотный рефлекс.

Инспектор Жан Ги Бовуар вел «вольво» по мосту Шамплена через реку Святого Лаврентия к шоссе, ведущему в Восточные кантоны – на юг, к американской границе. Когда около года назад предыдущий «вольво» Гамаша приказал долго жить, Бовуар предложил шефу купить «эм-джи», но шеф по какой-то причине решил, что Бовуар шутит.

– Так что там случилось?

– В Трех Соснах вчера вечером женщина умерла от испуга, – сказал Гамаш, поглядывая на сельский пейзаж.

– Sacré²⁸. Так что же мы ищем? Призрака?

– Ты ближе к истине, чем можешь себе представить. Это произошло во время спиритического сеанса. В старом доме Хадли.

Гамаш повернул голову и посмотрел на худое красивое лицо своего молодого инспектора. Оно вытянулось еще больше, губы сжались и побелели.

– Вот проклятое место, – сказал наконец Бовуар. – Кто-то должен разрушить этот дом.

– Ты думаешь, в этом виноват дом?

– А вы разве так не думаете?

Для Бовуара это было странным признанием. Обычно такой рациональный и опирающийся только на факты, он не верил во всякие невидимые вещи вроде эмоций. Он был идеальным дополнением своего босса, который, по мнению Бовуара, слишком много времени тратил на то, чтобы копаться в мозгах и сердцах людей. Там обычно царил хаос, а Бовуар в этом плохо ориентировался.

Но если где-то в мире и сконцентрировалось зло, так это в старом доме Хадли. Бовуар вздрогнул всем своим сильным телом, ему внезапно стало не по себе. Он посмотрел на босса. Гамаш задумчиво разглядывал его. Их глаза встретились – спокойные темно-карие глаза Гамаша с почти серыми Бовуара.

– И кто же жертва?

²⁷ Спасибо (фр.).

²⁸ Проклятье (фр.).

Глава одиннадцатая

Дорога от автострады до Трех Сосен была необыкновенно живописной и предательской. Машину трясло, подбрасывало на ухабах, кидало от одной выбоины к другой, и вскоре Бовуар и Гамаш стали чувствовать себя как яичница-болтунья.

– Осторожнее! – Гамаш показал на здоровенную яму в грунтовой дороге.

Пытаясь избежать этой ямы, Бовуар попал в еще бóльшую, после чего почти новый «вольво» прошелся по участку с глубокими рытвинами, словно по стиральной доске.

– Еще какие советы будут? – прорычал Бовуар, впившись глазами в дорогу.

– Я собираюсь через каждые несколько секунд кричать «осторожно!», – сказал Гамаш. – Осторожно!

И конечно, перед ними разверзся кратер, оставленный астероидом.

– Черт! – Бовуар резко крутанул руль. – Дом словно не хочет, чтобы мы до него добрались.

– И приказал дорогам не пропускать нас? – Даже Гамаш, всегда готовый побеседовать на экзистенциальные темы, решил, что это довольно удивительно. – Может быть, это последствия весенней оттепели?

– Вполне возможно. Осторожнее!

Они въехали в яму и дернулись вперед. Кренясь, закладывая виражи и бранясь, они медленно продвигались вперед, все глубже и глубже в лес. Грунтовая дорога петляла между сосновыми и кленовыми лесами, вдоль долин, поднималась по склонам невысоких гор. Они проезжали мимо речушек, набухших в весеннее половодье, мимо серых озер, которые совсем недавно расстались с зимним льдом.

Наконец они добрались до места.

Гамаш увидел впереди знакомый и странным образом успокаивающий вид машин криминалистов у обочины дороги. Старый дом Хадли пока оставался вне поля зрения.

Бовуар притормозил у заброшенной мельницы напротив дома. Гамаш открыл дверцу и почувствовал такой сладкий аромат, что закрыл глаза и замер.

Глубоко вдохнув, он сразу же понял, что это за запах. Свежая сосна. Молодые почки с новым, сильным запахом. Он надел резиновые сапоги, плащ поверх пиджака, на голову – твидовую шляпу. По-прежнему не глядя на старый дом Хадли, он направился к бровке холма.

Бовуар натянул свою кожаную итальянскую куртку на шерстяную водолазку и, проверив результаты в зеркале, обратил внимание, что он стройнее, чем представлял себе. Порадовавшись этому несколько мгновений, он догнал Гамаша, и вскоре они остановились плечом к плечу, озирая долину.

Это был любимый пейзаж Армана Гамаша. Вдали величественно поднимались горы, нависая друг над другом; их склоны были покрыты дымкой зеленоватых почек. Теперь Гамаш чувствовал запах не только сосен, но и самой земли. И другие благоухания доходили до его ноздрей. Терпкий густой аромат сухих осенних листьев, запах дымка из труб лежащей внизу деревни... и чего-то еще. Он поднял голову и снова сделал глубокий вдох, нарочито медленно. Оттуда, снизу, поднимались более ярко выраженные, хотя и едва ощутимые здесь ароматы первых весенних цветов. Самых молодых и самых смелых. Гамаш вспомнил о простой, но достойной церкви с ее шпилем. Он не раз бывал в церкви Святого Томаса и знал, что в это прекрасное утро свет льется через витражное стекло на сверкающие скамьи и деревянный пол. На витраже был изображен не Христос, не святые, прожившие прекрасную жизнь и принявшие мученическую смерть, а трое молодых людей, не вернувшиеся с Великой войны. Два – в профиль, они шли вперед, чеканя шаг. А один смотрел прямо на прихожан. В его взгляде не было ни обвинения, ни печали, ни страха. Он смотрел с огромной любовью, словно говоря: примите этот дар от меня. Воспользуйтесь им хорошо.

Ниже были начертаны имена погибших. И еще одна строка:
«Они были нашими детьми».

Стоя на вершине холма, глядя на прекраснейшую, милейшую деревеньку, какую ему доводилось видеть, и ощущая запах отважных молодых цветов, Гамаш спрашивал себя: неужели отважна только молодость, а старики становятся опасливыми и трусливыми?

Неужели и он стал таким? Он определенно боялся войти в это чудовище, дыхание которого чувствовал на своей шее. Или это было дыхание Бовуара? Но Гамаш знал, что боится чего-то еще.

Арно... Черт бы подрал этого Арно! Бог знает, на что способен этот человек, даже находясь за тюремной решеткой. В особенности если туда его упрятал Гамаш.

Но и эти мрачные мысли исчезли, как только перед ним открылся этот вид. Как можно бояться чего-то, когда перед тобой такая красота?

В этой долине и приютилась деревня Три Сосны. Из труб поднимался дымок, на кленах, вишнях и яблонях завязались почки, а некоторые деревья были уже в цвету. По деревне перемещались люди. Кто-то работал в саду, кто-то развешивал на веревках стираное белье, кто-то подметал широкие красивые веранды. Весенняя уборка. Жители пересекали деревенский луг с полотняными мешками, в которых лежали длинные французские батоны и другие товары – Гамаш легко мог предположить, что это сыры местного производства и паштеты, свежие яйца с ферм и душистые кофейные бобы из магазина.

Он посмотрел на часы. Почти полдень.

Гамаш не впервые проводил расследование в Трех Соснах, и каждый раз он все больше прикипал к этому месту. Это было довольно сильное чувство. В конечном счете самое главное для человека – быть там, где тебе хорошо.

Ему хотелось пройти по осклизлой обочине, пересечь луг и открыть дверь быстро Оливье. Там он сможет согреть руки у камина, заказать лакричные трубочки и чинзано. А еще – густой гороховый суп. Он сможет почитать старые номера «Таймс литерари саплмент», поговорить с Оливье и Габри о погоде.

Как так получилось, что самое его любимое место на земле располагалось совсем рядом с самым ненавистным?

– Что это? – Жан Ги Бовуар прикоснулся к руке Гамаша. – Вы слышите?

Гамаш прислушался. Он услышал пение птиц. Шуршание ветерка в сухих листьях на земле. И что-то еще.

Рокот. Не больше. Приглушенное ворчание. Неужели у них за спиной ожил старый дом Хадли? Зарычал, заурчал?

Оторвав глаза от спокойной, степенной деревни, Гамаш медленно повернулся, и его взгляд упал на дом.

Дом тоже взирал на него, холодно, с вызовом.

– Это река, сэр, – сказал Бовуар, смущенно улыбнувшись. – Белла-Белла. Весеннее половодье. Ничего больше.

Старший инспектор пристально посмотрел на дом. Наконец он моргнул и, повернувшись к Бовуару, слабо улыбнулся:

– Ты уверен, что это не дом ворчит?

– Абсолютно.

– Я тебе верю.

Гамаш рассмеялся, дотронулся до плеча Бовуара своей большой рукой, затем двинулся к старому дому Хадли.

Подходя все ближе, он с удивлением увидел, что краска шелушится, а окна разбиты. Объявление «Продается» упало на землю, на крыше не хватало черепицы, даже из трубы выпало несколько кирпичей. Дом словно распадался сам по себе.

«Прекрати это», – сказал он себе.

– Что прекратить? – спросил Бовуар, бросившийся догонять шефа, чей широкий шаг ускорился по мере приближения к дому.

– Я что, произнес это вслух? – Гамаш внезапно остановился. – Жан Ги... – начал он и замолчал, не зная, что сказать дальше.

Бовуар ждал, и почтительное выражение на его красивом лице сменилось недоуменным.

«Что я хочу ему сказать? Чтобы он был осторожен? Чтобы учитывал, что многие вещи на самом деле не такие, какими кажутся? И дом Хадли, и это дело, и даже его бригада следователей?»

Ему хотелось увести этого молодого человека от дома. От расследования. От него самого, Армана Гамаша. Как можно дальше.

Вещи не такие, какими кажутся. Мир изменяется, реформируется. Все, что он принимал как данность, как факт, реальный и неоспоримый, перестало быть таковым.

Будь он проклят, если когда-либо согласится с этим. Или позволит кому-нибудь из своих близких погрязнуть в этом.

– Дом разваливается на части, – сказал Гамаш. – Будь осторожен.

Бовуар кивнул:

– И вы тоже.

Оказавшись внутри, Гамаш удивился, каким земным оказалось это место. Ни малейшего ощущения зла. Если у него и возникло какое-то чувство, то лишь печаль.

– Сюда, шеф, – позвала агент Изабель Лакост, перегнувшись через перила темного дерева, так что ее каштановые волосы свесились вниз. – Она умерла в этой комнате.

Лакост показала себе за спину и исчезла.

– Joyeuses Râques²⁹, – сказала она минуту спустя, когда Гамаш поднялся по лестнице и вошел в комнату.

Агент Лакост была одета в удобную и стильную одежду, какую носят большинство квебекцев. Ей было под тридцать, она имела двух детей, но работала в полную силу. Хорошо одевалась и была абсолютно довольна своей жизнью.

Гамаш оглядел комнату. Роскошная кровать на четырех столбиках у одной из стен. Камин с тяжелой викторианской полкой по другую сторону спальни. На деревянном полу – громадный индейский ковер в темно-синих и алых тонах. Обои с изящным рисунком. Лампы на полу и на столе украшены кисточками. На трюмо лампа, искусно повязанная цветастым шарфом.

Он словно вернулся назад на сто лет. Вот только круг стульев посреди комнаты говорил о сегодняшнем дне. Гамаш пересчитал их. Десять. Три опрокинуты.

– Осторожнее, мы еще не закончили, – предупредила Лакост, увидев, что Гамаш направился к стульям.

– Это что? – Бовуар показал на ковер, где было рассыпано что-то похожее на кристаллики льда.

– Мы думаем, это соль. Поначалу мы решили, что это метамфетамин или кокаин, но это поваренная соль.

– Зачем посыпать солью ковер? – удивился Бовуар.

– Наверное, чтобы очистить помещение, – таким был ее неожиданный ответ.

– Что-то я не понимаю, – сказал Гамаш.

– Тут ведь проводился спиритический сеанс, верно?

– Да, я слышал об этом, – подтвердил Гамаш.

– Ну и что? – спросил Бовуар. – При чем тут соль?

²⁹ Счастливой Пасхи (*фр.*).

– Сейчас объясню. – Лакост улыбнулась. – Есть много способов провести спиритический сеанс, но только один способ включает в себя соль, рассыпанную по кругу, и четыре свечи.

Она показала на свечи, стоящие на ковре внутри кольца. Гамаш их прежде не заметил. Одна из свечей упала, и когда Гамаш наклонился, то увидел на ковре расплавленный воск.

– Они расположены по сторонам света, – продолжила Лакост. – То есть на севере, юге, востоке и западе.

– Я знаю, что такое стороны света, – фыркнул Бовуар.

Ему все это очень не нравилось.

– Ты говоришь, что есть только один способ проводить сеанс с применением свечей и соли, – сказал Гамаш спокойным голосом, вперившись в Лакост проницательным взглядом.

– Это способ, которым пользуется неоязыческая религия вика, – сказала Лакост. – Колдовство.

Глава двенадцатая

Мадлен Фавро испугалась до смерти в прямом смысле.

Клара была уверена, что ее убил старый дом Хадли. И вот сейчас Клара Морроу стояла перед ним и предъявляла ему обвинения. Люси на поводке металась взад-вперед, стремясь поскорее оставить это место. Как и Клара. Но Клара чувствовала, что обязана сделать это для Мадлен. Нагнать страху на этот дом. Дать ему понять, что она все знает.

Что-то пробудилось вчера вечером. Что-то нашло их маленький тесный кружок друзей, которые занялись чем-то безрассудным, глупым, не соответствующим их возрасту. Только и всего. Никто не должен был умирать. И никто не умер бы, проводи они спиритический сеанс в любом другом месте. Никто ведь не умер в бистро.

Что-то в этом нелепом месте было вызвано к жизни, прошло по коридору в старую спальню, затянутую паутиной, и забрало жизнь Мадлен.

Всю оставшуюся жизнь Клара будет помнить случившееся. Пронзительные крики, визг. Они раздавались отовсюду. Потом удар. Пламя одной из свечей затрепетало. Люди повскакали с мест, чтобы помочь или броситься прочь. Включились лучи фонариков, бешено заплясали по стенам... и замерли. Все они направились на одно – на лицо. Даже в ярком и теплом солнечном свете дня Клара чувствовала, как сжимается петля страха – словно плащ, который невозможно сбросить с плеч.

«Не смотри!» – услышала Клара голос Хейзел, предположительно обращенный к Софи.

«Non!» – вскрикнул месье Беливо.

Глаза Мадлен были широко раскрыты, вытаращены так, будто собирались вылезти из глазниц. Губы растянуты, рот распахнут, замер в крике. Клара схватила Мадлен за руки, чтобы успокоить ее, и поняла, что уже слишком поздно: пальцы скрючились и превратились в когти. Клара подняла голову и увидела движения за пределами их круга. И услышала кое-что.

Порхание крыл.

– Bonjour, – сказал Арман Гамаш, выходя из дома.

Клара вздрогнула, возвращаясь к реалиям дня. Она узнала этого крупного элегантного человека, который направлялся прямо к ней.

– Вы не больны? – спросил он, видя, в каком она состоянии.

– Нет. – Ее губы растянулись в полуулыбку. – Вот увидела вас – и сразу стало лучше.

Но выглядеть лучше она не стала. Напротив, по ее щекам потекли слезы, и Гамаш подумал, что эти слезы далеко не первые. Он тихо стоял рядом с ней, не пытаясь ее успокоить – позволяя выплакать печаль.

– Вчера вечером вы были здесь.

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. Гамаш читал протокол и видел имя Клары Морроу. И даже предполагал допросить ее первой. Он ценил ее мнение, знал, что у нее цепкий к деталям – как видимым, так и невидимым – глаз. Старший инспектор знал, что должен включить ее, вместе со всеми остальными присутствовавшими на спиритическом сеансе, в список подозреваемых, но не сделал этого. Он считал ее ценнейшим свидетелем. Клара отерла рукавом куртки лицо. Арман Гамаш, увидев результат, вытащил платок и протянул ей. Она надеялась, что выплакала уже почти все, но слезы текли, как полноводная весной речушка Белла-Белла. Паводок печали.

Питер предыдущим вечером вел себя великолепно. Он помчался в больницу, ни разу не сказав ей «я же тебе говорил». Впрочем, она сама не раз повторяла себе эти слова, сквозь рыдания рассказывая ему о случившемся.

Потом они отвезли домой Мирну и Габри. Предложили ошеломленной, потрясенной Хейзел и до странности спокойной Софи удобные комнаты в своем доме. Уж не от скорби ли она онемела? Нет, скорее, такое поведение давало Софи преимущество: все, как обычно, не знали, что она чувствует на самом деле.

Предложение было отвергнуто. Даже теперь Клара не могла себе представить, как это было ужасно для Хейзел – вернуться домой в одиночестве. Нет, конечно, вместе с Софи, но на самом деле – в одиночестве.

– Она была вашим другом?

Они развернулись и пошли к деревне.

– Да, она со всеми дружила.

Гамаш молча шагал рядом с Кларой, сцепив руки за спиной и храня на лице задумчивое выражение.

– О чем вы думаете? – спросила она, а спустя несколько секунд сама ответила на свой вопрос: – Вы думаете, что ее убили?

Они снова остановились. Клара не могла идти и одновременно мучиться этой мыслью. Эта мысль вообще была ей невыносима. Она повернулась и уставилась на Гамаша. Неужели до нее так медленно доходит? Разумеется, Гамаш именно так и должен думать. Если это было не убийство, то зачем главе отдела по расследованию убийств приезжать сюда?

Гамаш жестом предложил ей пройти к скамье на лугу.

– Откуда взялись все эти столики на улице? – спросил он, когда они сели.

– У нас была охота за пасхальными яйцами и пикник.

Неужели это было только вчера?

Гамаш кивнул. Они тоже прятали яйца для Флоранс, а потом сами же и искали. Надо надеяться, на следующий год такая задача будет ей по силам.

– Мадлен была убита? – спросила Клара.

– Мы считаем, что да, – ответил Гамаш. Дав ей время осознать его слова, он спросил: – Вас это удивляет?

– Да.

– Не спешите. Подумайте. Я знаю, что поначалу факт убийства всех удивляет. Но я хочу, чтобы вы хорошенько обдумали мой вопрос. Если бы Мадлен Фавро была убита, вас это удивило бы?

Клара повернулась к Гамашу. Его темно-карие глаза смотрели задумчиво, седеющие усы были аккуратно подстрижены, из-под шляпы выбивались ухоженные, слегка вьющиеся волосы. Смешливые морщинки в уголках глаз делали выражение его лица еще более впечатляющим. Она знала, что он говорит с ней по-английски из вежливости. Его английский был идеален, причем, как ни странно, Гамаш говорил с британским акцентом. При каждой очередной встрече она собиралась спросить его об этом.

– Почему вы говорите с британским акцентом?

Гамаш удивленно приподнял брови.

– Это что, ответ на мой вопрос? – с улыбкой спросил он.

– Нет, профессор. Но я давно хотела спросить вас об этом, только все время забывала.

– Я учился в Кембридже. В колледже Христа. Изучал историю.

– И отгачивали английский.

– Я там научился английскому.

Пришел черед Кларе удивляться:

– До приезда в Кембридж вы не говорили по-английски?

– Я знал две фразы.

– Какие же?

– «Огонь по клингонам» и «Боже мой, адмирал, это ужасно».

Клара прыснула.

– Я часто смотрел американское телевидение. В особенности два этих сериала.

– «Звездный путь» и «Путешествие на дно океана», – кивнула Клара.

– Вы и представить себе не можете, насколько эти фразы бесполезны в Кембридже. Впрочем, «Боже мой, адмирал, это ужасно» можно применить в трудную минуту.

Клара рассмеялась и представила себе молодого Гамаша в Кембридже. Кто же это отправляется за океан учиться в университете страны, языка которой не знаешь?

– Итак? – Лицо Гамаша посерьезнело.

– Мадлен была милой во всех смыслах этого слова. Она легко нравилась людям, и, думаю, ее легко было полюбить. Я вполне могу себе представить, что полюбила бы ее, если бы наше знакомство продлилось чуть дольше. Но поверить, что кому-то понадобилось ее убивать...

– Потому что она была такой? Или потому, что кто-то другой таким не был?

Хороший вопрос. Если ты признаешь, что случилось убийство, то признаешь, что есть и убийца. Среди них. Совсем рядом. Почти наверняка кто-то из людей, присутствовавших в комнате. Один из тех, кто улыбался, смеялся, один из этих знакомых людей скрывал мысли столь злобные, что они подтолкнули его к убийству.

– Сколько здесь прожила Мадлен?

– Вообще-то, она жила не в деревне, а вон там. – Клара показала на пологие холмы. – Вместе с Хейзел Смит.

– Которая тоже присутствовала при всем этом вчера с некой девицей по имени Софи Смит.

– Это ее дочь. Мадлен стала жить с ними лет пять назад. Они очень давно знают друг друга.

В этот момент Люси дернулась на поводке, Клара оглянулась и увидела Питера – он вышел из калитки и двинулся по дороге, махая им рукой. Клара посмотрела по сторонам, проверяя, не едут ли машины, и отстегнула Люси. Пожилая собака рванула по деревенскому лугу прямо к Питеру, и тот согнулся пополам. Гамаш сочувственно поморщился.

Питер распрямился и похромал к их скамейке. У него на брюках остались два грязных отпечатка собачьих лап.

– Старший инспектор. – Питер протянул руку с бóльшим достоинством, чем Гамаш мог ожидать.

Старший инспектор поднялся и тепло пожал ему руку.

– Грустные времена, – сказал Питер.

– Да. Я как раз говорил Кларе: мы считаем, что мадам Фавро, возможно, умерла насильственной смертью.

– Почему вы так решили?

– Вас ведь там не было? – спросил Гамаш, игнорируя вопрос Питера.

– Нет, у нас перед этим был званый обед, и я остался наводить порядок в доме.

– А вы пошли бы, будь у вас такая возможность?

Питер без колебаний ответил:

– Нет. Я не одобряю таких вещей.

Сказав это, он сам себе показался викторианским священником.

– Питер и меня пытался отговорить, – сказала Клара и взяла Питера за руку. – Он был прав. Не нужно нам было это делать. Если бы мы держались подальше от этого места, – Клара кивнула в сторону дома на холме, – то Мадлен была бы жива.

«Наверное, да, – подумал Гамаш. – Вот только надолго ли? Есть вещи, которых не избежать, и смерть – одна из них».

Инспектор Жан Ги Бовуар наблюдал, как последние криминалисты собирают свои вещички; наконец они освободили спальню и закрыли дверь. Отмотав желтую ленту с рулона, он перекрыл ею вход в комнату. Он проделал это несколько раз – больше, чем обычно. Что-то ему говорило: нужно как можно надежнее закупорить то, что есть в этой комнате. Жан Ги Бовуар, конечно, ни за что в этом не признался бы, но он чувствовал: здесь что-то растет, зреет. Чем дольше он здесь оставался, тем больше оно росло. Дурное предзнаменование. Нет, не предзнаменование. Что-то иное.

Пустота. Жан Ги Бовуар чувствовал себя опустошенным. И вдруг он понял, что если останется здесь еще ненадолго, то внутри у него вместо органов образуется гулкая бездна.

Сгорая от желания уйти отсюда, он посмотрел на агента Лакост – не испытывает ли она того же. На его вкус, она слишком много знала обо всем этом дурацком колдовстве. Он снова и снова запечатывал дверь, бормоча себе под нос «Аве Мария», потом отошел в сторону, чтобы посмотреть на плоды своих трудов.

Если бы Бовуар знал, как художник Христо упаковал Рейхстаг³⁰, он, вероятно, увидел бы некоторое сходство. Дверь была целиком и полностью покрыта желтой полицейской лентой.

Перепрыгивая через две ступеньки, он пронесся по лестнице и вышел на свет божий. После пребывания в этом склепе мир казался гораздо ярче, воздух – гораздо свежее. Даже рев воды в Белла-Белле действовал успокоительно. Он был естественным.

– Хорошо, что вы еще здесь.

Бовуар повернулся и увидел, что к нему направляется агент Робер Лемье с улыбкой на молодом энергичном лице. Лемье недавно появился в их команде, но уже стал любимчиком Бовуара, который любил молодых агентов, если те уважительно относились к нему.

И все же Бовуар был удивлен:

– Тебя вызвал старший инспектор?

Он знал, что Гамаш не намерен привлекать к расследованию большие силы, пока не будет уверен, что это убийство.

– Нет, просто мой приятель – он работает в местной полиции – сообщил мне об этом деле. А я заехал в гости к родителям в Сент-Катрин-де-Ове, вот и решил заглянуть сюда.

Бовуар взглянул на часы. Уже час дня. Теперь, выйдя из этого треклятого дома, Бовуар спросил себя, не было ли то чувство пустоты, которое он испытывал, обычным голодом. Да, вероятно.

– Идем со мной. Шеф в бистро. Наверное, доедает последний круассан.

Это, конечно, была шутка, но Бовуар вдруг подумал с беспокойством: а что, если так оно и есть? Он поспешил к машине, и они вдвоем проехали около сотни ярдов до Трех Сосен.

Арман Гамаш сидел перед камином, попивая чинзано и прислушиваясь к окружающим. Даже в конце апреля теплый огонь был в радость. Оливье приветствовал старшего инспектора объятиями и лакричной трубкой.

– Merci, patron³¹, – сказал Гамаш, тоже обнимая его за плечи и принимая в дар трубочку.

– Это так ужасно, что невозможно поверить, – сказал Оливье, элегантно одетый в вельветовые брюки и свободный кашемировый свитер.

Ни один его светлый волос не выбился из прически; нигде ни складки или пятнышка, которые могли бы испортить его вид. Его партнер, наоборот, забыл вставить зубные протезы и был небрит. Когда Гамаш и Габри обнялись, густая черная щетина оцарапала щеку старшего инспектора.

³⁰ Христо Явашев (р. 1935) – американский скульптор и художник, болгарин по происхождению, прославившийся своими работами, в которых «упаковывал» различные объекты – от пишущей машинки до здания Рейхстага.

³¹ Спасибо, хозяин (*фр.*).

Питер, Клара и Гамаш последовали за Габри к выцветшему дивану у камина, а Оливье отправился за выпивкой для них. После того как все устроились на своих местах, к ним присоединилась Мирна:

– Рада вас видеть.

Она уселась в ближайшем кресле с подголовником.

Гамаш с симпатией взглянул на эту крупную чернокожую женщину. Она владела его любимым книжным магазином.

– Почему вы здесь? – спросила она, пытаясь смягчить резкость вопроса взглядом своих умных и добрых глаз.

Гамаш ощутил себя почтальоном времен войны, передвигающимся на раздолбанном велосипеде по разбитым дорогам. Вестником, приносящим убийственные новости. Вестником, которого всегда встречают с подозрением.

– Конечно же, он считает, что ее убили, – сказал Габри.

Без зубных протезов это прозвучало так, будто Гамаш «читает».

– Убили? – переспросила со смешком Мирна. – Это было ужасно, даже агрессивно, но убийство тут ни при чем.

– В какой степени агрессивно?

– Я думаю, мы все почувствовали враждебность, – сказала Клара.

Остальные кивнули.

Как раз в этот момент Бовуар и Лемье, разговаривавшие между собой, открыли дверь быстро. Гамаш привлек их внимание, подняв руку. Они замолчали и направились к собравшимся у камина.

Солнце проникало через освинцованные стекла окон. Слышался говорок других посетителей. Все были подавлены.

– Расскажите мне, что случилось, – тихо попросил Гамаш.

– Экстрасенс разбросала соль и зажгла свечи, – начала Мирна. Глаза ее были открыты, она словно вновь видела происходящее. – Мы сидели кружком.

– Держась за руки, – вспомнил Габри.

Он дышал быстро и поверхностно, и вид у него был такой, будто от одного этого воспоминания он сейчас упадет в обморок. Гамашу показалось даже, что он слышит сердцебиение Габри.

– Я никогда не чувствовала такого страха, – сказала Клара. – Даже ведя машину по шоссе во время снежной бури.

Присутствующие закивали. Все они испытывали поразительную уверенность, что именно так и закончат свою жизнь: в жуткой автокатастрофе, потеряв управление машиной, невидимые в густом, хаотичном снегопаде.

– Но в этом-то все и дело, – заметил Питер, присаживаясь на подлокотник кресла Клары. – Вас хотели напугать до смерти.

«Неужели он прав?» – спросила себя Клара.

– Мы пришли туда, чтобы очистить дом от злобных призраков, – сказала Мирна, но при свете дня это утверждение казалось нелепым.

– И может быть, чтобы немного испугаться, – признал Габри. – Это правда, – добавил он, видя их лица.

И Кларе пришлось согласиться, что это правда. Неужели они были настолько глупы? Неужели их жизнь была настолько похожа на сон, настолько скучна, что они чувствовали потребность искать и создавать опасность? Нет, не создавать. Опасность всегда была там, а они принялись заигрывать с ней, и она им ответила.

– Жанна, та, которая экстрасенс, – пояснила Мирна для Гамаша, – сказала, будто слышит приближение чего-то. Мы замерли на несколько мгновений, и знаете, я вроде бы тоже что-то услышала.

– И я, – подхватил Габри. – Возле кровати. Кто-то переворачивался на кровати.

– Нет, звук доносился из коридора, – сказала Клара, отрывая глаза от огня и обводя присутствующих взглядом.

Это зрелище напомнило ей вчерашний вечер: лица освещены пламенем, глаза расширены, тела напряжены, словно в любое мгновение готовы пуститься в бегство. Она как бы снова очутилась в той страшной комнате. Запах весенних цветов, словно в морге, эти шаги у нее за спиной...

– Шаги. Мы слышали шаги. Вспомните: Жанна сказала, что они приближаются. Смерть приближалась.

У Бовуара сжалось сердце и онемели руки. Он вдруг подумал, будет ли Лемье возражать, если он возьмет его за руку, но потом решил, что лучше умрет, чем сделает это.

– «Они приближаются», да-да, так она и сказала, – согласилась Мирна. – И что-то еще.

– С крыши и еще откуда-то, – сказал Габри, пытаясь припомнить.

– С чердака, – поправила Мирна.

– И из подвала, – добавила Клара, глядя на Армана Гамаша.

Он почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Кошмар подвала в старом доме Хадли до сих пор преследовал его.

– И вот тут-то все и случилось, – кивнул Габри.

– Не совсем, – возразила Клара. – Она сказала кое-что еще.

– «Они вокруг нас, – тихо произнесла Мирна. – Явись! Немедленно!»

Она хлопнула в ладоши – и сердце у Бовуара чуть не разорвалось.

Глава тринадцатая

– А потом она умерла, – сказал Габри.

Оливье подошел сзади и положил руки ему на плечи. Габри вскрикнул:

– Tabernacle!³² Ты хочешь меня убить?

Колдовство рассеялось. В комнате снова посветлело, и Гамаш увидел громадный поднос с сэндвичами, появившийся на кофейном столике.

– А что случилось после? – спросил Гамаш, выбрав сэндвич с расплавленным козым сыром и рукколой на теплом французском батоне.

– Месье Беливо отнес ее вниз, а Жиль побежал за своей машиной, – ответила Мирна, угощаясь сэндвичем с жареной курицей и манго на круассане.

– Жиль? – переспросил Гамаш.

– Сандон. Он работает в лесу. Он тоже присутствовал, вместе со своей подружкой Одиль. Гамаш помнил эти имена по списку свидетелей, лежащему у него в кармане.

– Жиль вел машину. С ним поехали Софи и Хейзел, – сказала Клара. – Остальные сели в машину Хейзел.

– Боже мой, Хейзел, – произнесла Мирна. – Кто-нибудь с ней сегодня говорил?

– Я ей звонила, – сказала Клара, глядя на тарелку, хотя и не испытывала голода. – Говорила с Софи. Хейзел слишком расстроена, чтобы говорить.

– Хейзел и Мадлен были близки? – спросил Гамаш.

– Лучшие друзья, – ответил Оливье. – Еще со школы. Они жили вместе.

– Но не как любовницы, – сказал Габри и добавил: – Насколько мне известно.

– Не говори глупостей, конечно, они не были любовницами, – сказала Мирна. – Ох уж эти мужчины! Они думают, что если две взрослые женщины живут одним домом и привязаны друг к другу, то они обязательно лесбиянки.

– Это верно, – заметил Габри. – Все делают про нас подобные допущения. – Он похлопал Оливье по колену. – Но мы вас прощаем.

– Мадам Фавро когда-нибудь была полной?

Вопрос Гамаша оказался таким неожиданным, что на него устремились недоуменные взгляды, словно он вдруг заговорил по-русски.

– Вы имеете в виду, толстой? – спросил Габри. – Нет, не думаю.

Остальные отрицательно покачали головой.

– Но знаете, она ведь здесь не так долго прожила, – сказал Питер. – Сколько? Лет пять?

– Около того, – кивнула Клара. – Но она как-то сразу вписалась в местное общество.

Вступила вместе с Хейзел в Общество женщин англиканского вероисповедания...

Габри застонал:

– Merde!³³ Она этим летом должна была возглавить общество. Что я теперь буду делать? Его надули, хотя, надо признать, и не в такой мере, как Мадлен.

– Pauvre Gabri³⁴, – сказал Оливье. – Личная трагедия.

– Попробуйте-ка поруководить Обществом женщин-англиканок. Это к разговору об убийстве, – сказал он Гамашу. – Может, Хейзел возьмет на себя эти обязанности? Как ты считаешь?

– Нет, я не «читаю». А тебе сейчас не рекомендую задавать ей этот вопрос.

³² Здесь: Черт побери! (фр.)

³³ Дерьмо! (фр.)

³⁴ Бедный Габри (фр.).

– Возможно ли, что в доме присутствовал кто-то еще? – спросил Гамаш. – Большинство из вас слышали какие-то звуки.

Клара, Мирна и Габри хранили молчание, вспоминая нечестивые звуки.

– Что вы думаете, Клара? – спросил Гамаш.

«Что я думаю? – спросила она у себя самой. – Что Мадлен была убита дьяволом? Что, возможно, мы сами и поселили зло в этом доме?» Вероятно, экстрасенс была права и все недоброе, все злобные мысли, когда-либо порожденные их идиллической деревней, поглощались этим домом-чудовищем. И чудовище было ненасытно. Злые мысли сродни наркотику. Попробовав раз, дом подсел на них.

Но все ли выпускали на свободу свои злые мысли? Может быть, кто-то копил их в себе, собирал? Поглощал их, глотал, пока злоба не переполнила его и он не стал ходячей, дышащей разновидностью этого дома на холме?

Существует ли человеческая ипостась этого проклятого места, не ходит ли она среди них?

«Что я думаю?» – еще раз спросила себя Клара. Ответа у нее не было.

Минуту спустя Гамаш встал:

– Где я могу найти мадам Шове, экстрасенса?

Он достал деньги, чтобы расплатиться за сэндвичи и выпивку.

– Она остановилась в гостинице, – сказал Оливье. – Хотите, чтобы я ее позвал?

– Нет, мы прогуляемся туда. *Merci, patron.*

– Я не ходил на этот сеанс, – прошептал Оливье Гамашу, протягивая ему сдачу возле кассы на длинной деревянной стойке бара. – Потому что мне было страшно.

– Я вас не виню. В этом доме есть что-то такое.

– И еще эта женщина...

– Мадлен Фавро? – Гамаш поймал себя на том, что тоже разговаривает шепотом.

– Нет. Жанна Шове, экстрасенс. Вы знаете, что она сказала Габри сразу по приезде?

Гамаш ждал.

– Она сказала: «Тут у вас не спариваются».

Гамаш обдумал эти непристойные слова:

– Вы уверены? Странно, что на уме у экстрасенса такие вещи. Это ведь не...

– Не так? Конечно. Напротив... Впрочем, оставим это.

Гамаш вышел из бистро в великолепный, солнечный день, услышав на прощание последний шепоток Оливье:

– Вы же знаете, она колдунья.

Трое сотрудников Квебекской полиции шли по дороге, окружающей деревенский луг.

– Я запутался, – признался агент Лемье, которому приходилось почти бежать, чтобы не отстать от Гамаша, мерившего землю широкими шагами. – Так это было убийство?

– Я тоже запутался, молодой человек, – сказал Гамаш. Он остановился и посмотрел на Лемье. – А что ты здесь делаешь? Я тебя не вызывал.

Этот вопрос ошарашил Лемье. Он полагал, что старший инспектор будет рад его видеть, даже поблагодарит. Но Гамаш вместо этого смотрел на него терпеливо и с некоторым недоумением.

– Он приехал к родителям на Пасху – они тут живут неподалеку, – объяснил Бовуар. – А приятель из местной полиции ему сообщил.

– Я явился по собственной инициативе. Извините. Я сделал что-то не так?

– Нет, все так. Я хочу вести расследование как можно более скрытно, пока не будет точно выяснено, что это убийство.

Гамаш улыбнулся. Да, его подчиненные должны были проявлять инициативу, хотя и не столь рьяно. Впрочем, инициативность Лемье рано или поздно начнет гаснуть, и Гамаш вовсе не был уверен, что это так уж хорошо.

– Значит, наверняка нам это еще не известно? – спросил Лемье, спеша догнать Гамаша, который двинулся дальше, к большому каменному дому на углу.

– Я пока не хочу, чтобы об этом стало известно, но у нее в крови обнаружилась эфедра, – сказал Гамаш. – Знаешь, что это такое?

Лемье отрицательно покачал головой.

– Ты меня удивляешь. Это ведь как спорт, *n'est-ce pas*?³⁵

Молодой агент кивнул. Спорт – эта тема крепко связывала его с Бовуаром. Их любовь к «Монреаль Канадиенс». К «Абам», как их еще называли.

– Слышал когда-нибудь о Терри Харрисе?

– Это хавбек?

– А о Симусе Ригане?

– Аутфилдер? Играл за «Лайонс»? Они оба умерли. Я помню, читал об этом в «Алло спор».

– Они принимали эфедру. Ее используют для похудения.

– Именно. Харрис умер во время тренировки, а Риган – на игре. Я смотрел по телевизору. День был жаркий, и все решили, что у него прихватило сердце. Так ли на самом деле?

– Тренеры велели им похудеть как можно скорее, поэтому они стали принимать таблетки.

– Это было два года назад, – сказал Бовуар. – Теперь эфедра запрещена, верно?

– Насколько мне известно. Хотя я могу и ошибаться. Ты проверишь это? – спросил Гамаш у Лемье.

– Конечно.

Направляясь к уютной гостинице, Гамаш улыбался. Энтузиазм Лемье нравился ему. Это и было одной из причин, по которым он взял Лемье в команду. Когда Гамаш расследовал предыдущее дело в Трех Соснах, Лемье работал в отделении полиции Кауансвилла и произвел на старшего инспектора хорошее впечатление.

Жертва того убийства жила в старом доме Хадли.

Они вошли на просторную веранду гостиницы. Это трехэтажное здание прежде было почтовой станцией на пути между Уильямсбургом и Сен-Реми и располагалось на старой почтовой дороге.

Войдя внутрь, Гамаш увидел деревянные полы, яркие индейские коврики и изящные подвыцветшие занавески.

Но он пришел сюда не для того, чтобы расслабляться. Он пришел, чтобы выяснить причину смерти Мадлен Фавро. Был ли это обычный инфаркт, вызванный возбуждением и страхом? Принимала ли она эфедру сама? Или тут действовали какие-то злые закулисные силы, скрывающиеся за приятным фасадом Трех Сосен?

Оливье сказал, что Жанна Шове сняла маленький номер на первом этаже.

– Оставайся здесь, – приказал Гамаш, взглянув на Лемье, а сам вместе с Бовуаром двинулся по короткому коридору.

– Думаете, она сможет одолеть нас? – с улыбкой прошептал Бовуар.

– Не исключаю, – серьезно ответил Гамаш и постучал в дверь.

³⁵ Не так ли? (фр.)

Глава четырнадцатая

Никакого ответа.

Гамаш и Бовуар ждали. Сквозь приоткрытое окно в конце коридора сюда проникал солнечный свет и свежий воздух, простые белые занавески слабо шевелились на ветру.

Но они продолжали ждать. У Бовуара чесались руки постучать еще раз. На сей раз посильнее, словно настойчивость и нетерпение могли вызвать человека, подобно заклинанию. Вот бы так было на самом деле! Ему не терпелось встретиться с этой женщиной, которая общается с призраками. Может, они ей нравятся? И поэтому она занимается своим делом? А может быть, живые люди не желают с ней общаться? Возможно, у нее нет другого общества, кроме мертвецов, которые не менее капризны, чем живые. Она наверняка сумасшедшая. В конечном счете ведь духи – они же не настоящие. Кроме разве что Святого Духа. Но если... Нет. По этой дороге он не пойдет. Он посмотрел на терпеливый профиль Гамаша – неужели шеф собирается провести весь день, стоя перед этими закрытыми дверями?

– Мадам Шове? Это Арман Гамаш из полиции Квебека. Я бы хотел с вами поговорить.

Бовуар чуть улыбнулся. Выглядело так, словно старший инспектор адресовал свои слова двери.

– Я вижу эту улыбку, месье. Может быть, вы попробуете?

Гамаш отошел в сторону, а Бовуар занял его место и постучал в дверь ладонью:

– Полиция, откройте!

– Блестяще, mon ami! Именно так и нужно обращаться к беззащитной женщине. – Гамаш развернулся и пошел по коридору, потом оглянулся на Бовуара. – Я позволил тебе сделать это, потому что знал: ее там нет.

– А я сделал это только потому, что знал: вам это покажется забавным.

Когда они вернулись, Лемье показал на доску с ключами:

– Тут на крючке висит ключ. Мы можем войти без разрешения?

– Пока нет, – сказал Бовуар. – У нас не имеется ордера, и мы не уверены, что произошло убийство.

И все же ему понравился ход мыслей Лемье.

– Что теперь? – спросил он Гамаша.

– Нужно обыскать это место.

Пока Бовуар и Лемье обыскивали столовую, кухню, спальни и подвал, Гамаш зашел в гостиную и уселся в большое кожаное кресло.

Он закрыл глаза и прогнал все мешавшие ему мысли. Гамаш был взволнован. Куда делась Жанна Шове? Чем она занята сейчас? Что чувствует? Вину? Раскаяние? Удовлетворение?

Чем был этот спиритический сеанс – трагическим провалом или выдающимся успехом?

Агент Робер Лемье стоял на пороге между гостиной и столовой и смотрел на старшего инспектора.

Временами агента Лемье мучили сомнения. Некий кризис веры, о котором говорили его родители несколько десятилетий назад. Но его церковью была Квебекская полиция, которая приняла его в свои ряды, дала ему цель в жизни. Если его родители в конечном счете расстались с церковью, он свою не собирался оставлять. Он ее никогда не оставит и никогда не предаст. Родители воспитали его, выкормили, приучили к порядку, они любили его. Но Квебекская полиция дала ему дом. Он любил родителей и сестер, но что такое быть полицейским, знали только другие квебекские полицейские. Выйти из двери с самоуверенным и дерзким видом, но при этом не забыть сказать своей милашке, что ты ее любишь, – так, на всякий случай.

Глядя на старшего инспектора Гамаша – тот закрыл глаза и откинул голову назад, доверчиво выставив кадык, – Лемье на мгновение задумался: а правда ли все то, что ему наговорили о Гамаше? Когда-то, не так уж давно, Лемье восхищался Гамашем. Придя в управление, он увидел этого знаменитого человека – тот шел по коридору, следом за ним полицейские ниже рангом, они тогда расследовали одно из самых сложных и жестоких преступлений. Но он нашел время улыбнуться и приветственно кивнуть новичку. Они изучали его дела. Они наблюдали и радовались, когда Арман Гамаш довел до логического конца дело грязного суперинтенданта Арно. И спас Квебекскую полицию.

Но вещи в действительности оказываются совсем не такими, какими кажутся.

– Ничего не нашли.

Бовуар прошел мимо Лемье в гостиную. Гамаш открыл глаза и посмотрел на двоих полицейских, потом его взгляд остановился на Лемье. И встретился со взглядом молодого полицейского.

Наконец Гамаш моргнул и поднялся со стула:

– Ну хватит, ты уже достаточно отдохнул. Пора и поработать. Агент Лемье, прошу оставаться здесь и ждать возвращения Жанны Шове. А мы с тобой, – сказал он Бовуару на пути к двери, – отправляемся к Хейзел Смит.

Глядя на удаляющихся Гамаша и Бовуара, Лемье нажал на своем мобильнике кнопку быстрого набора:

– Суперинтендант Бребёф? Говорит агент Лемье.

– Есть что-нибудь? – раздался в трубке уверенный голос.

– Кое-что. По-моему, это может оказаться полезным.

– Хорошо. Агента Николь поблизости не видать?

– Пока нет. Спросить про нее?

– Не глупи. Никаких вопросов такого рода. Расскажи мне все, что знаешь.

На другом конце трубки наступило молчание. Бребёф сжал челюсти. Он не был терпеливым человеком, хотя и долго ждал, чтобы покончить с Гамашем. Они вместе росли, вместе поступили в полицию, вместе получали повышение. Оба претендовали на звание суперинтенданта, о чем с удовольствием вспоминал Бребёф. Он никогда не забывал об этом маленьком подарке, а в трудные моменты снова прокручивал эти события перед своим мысленным взором. Теперь он делал это снова. Сдирал слои своих улыбок, кивков, подхалимства по отношению к лучшему другу. А потом он получил огромный и неожиданный дар. И получил желанное звание. Суперинтендантом стал не великий Арман Гамаш, а он, Мишель Бребёф. И на какое-то время его амбиции были удовлетворены. До дела Арно. Он быстро сменил обертку и заголок утешающие его мысли на задворки памяти. Ему необходимо сосредоточиться, быть осторожным.

– Ты знаешь, сынок, почему ты это делаешь?

– Да, сэр.

– Не дай ему очаровать тебя, не дай провести тебя за нос. Большинство людей на это поддаются. Вот и суперинтендант Арно поддался – сам знаешь, где он теперь. Ты должен сосредоточиться, Лемье.

Когда Лемье пересказал ему события этого дня, Бребёф обдумал услышанное.

– Я хочу попросить тебя кое о чем. Риск тут есть, но, мне кажется, небольшой.

Он проинструктировал Лемье.

– Все это скоро закончится, – добродушно заверил он, – и тогда полицейские, которым хватило мужества защищать то, во что они верят, будут вознаграждены по заслугам. Ты отважный молодой человек, и поверь мне, я знаю, насколько это трудно.

– Да, сэр.

Бребёф отключился. Как только это дело закончится, ему придется решать, что делать с Робером Лемье дальше. Молодой агент уж слишком впечатлителен.

Агент Лемье, отключившись, ощутил что-то странное в груди. Не давление, которое не отпускало его с того самого дня, когда суперинтендант Бребёф обратился к нему за помощью, а освобождение, эйфорию.

Ведь суперинтендант Бребёф только что предложил ему повышение, верно? Разве он, Лемье, не может делать то, что подобает честному полицейскому, и в то же время получать от этого выгоду? Как далеко удастся ему идти по этому пути? В конечном счете все может завершиться вполне благополучно.

Хейзел Смит ждала возвращения Мадлен. Каждый шаг, каждый скрип ступени, каждый поворот дверной ручки – и она вздрагивала: вот сейчас войдет Мадлен.

Но она не появлялась. Каждую минуту этого дня Хейзел заново теряла Мадлен. И наконец дверь гостиной открылась, Хейзел подняла взгляд, ожидая увидеть бодрое лицо Мад и поднос с чаем – ведь время чая как раз наступило. Но вместо этого она увидела бодрое лицо дочери.

Софи появилась с огромным бокалом красного вина для себя и прошла по тесной комнате до дивана.

– Так что у нас на обед? – спросила она, плюхнувшись в кресло и хватаясь за журнал.

Хейзел уставилась на эту чужую женщину. Вчера вечером она потеряла их обеих. Мадлен умерла, а в Софи вселились демоны. Она стала другой. Что случилось с необщительной, эгоистичной Софи?

Существо, сидевшее перед ней, излучало свет. Словно дух Мадлен вселился в Софи. Но только этот дух был лишен сердца. Души. То, что излучала Софи, не было ни радостью, ни любовью, ни теплом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.